

ЛИЯ АРДЕН

ЗОЛОТО В ТЁМНОЙ НОЧИ

И ТОЛЬКО ТЬМА
СЛЕДУЕТ ЗА ТОБОЙ...

INSPIRIA

Потомки Первых

Лия Арден

Золото в тёмной ночи

«ЭКСМО»

2020

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Арден Л.

Золото в тёмной ночи / Л. Арден — «Эксмо», 2020 — (Потомки Первых)

ISBN 978-5-04-111953-9

И только тьма следует за тобой... Новая книга от автора популярной дилогии «Мара и Морок» Лии Арден. Первый роман цикла «Потомки Первых», состоящего из четырех книг. Мотивы Древней Персии и Марроко в ярком фэнтезийном мире. Прошло уже более тысячи лет после великой катастрофы и Чёрной Зимы. Впервые мир на Континенте трещит по швам, а отношения между четырьмя странами напряжены как никогда. Ойро всего восемнадцать, и это практически единственное, что она помнит о себе. Шесть лет назад её нашли на Островах и теперь у неё новая семья, друзья и обычная жизнь. Но странные сны не отпускают её, и пустое прошлое не оставляет в покое. Ойро придётся отправиться в путь, чтобы спасти друга и найти свою настоящую семью. Успеет ли она или будет втянута в войну между странами? Войну, что зрела тысячу лет из-за секрета, который утаил один из Первых. «Восточная сказка, где пустыня поведает свои секреты, а звёзды укажут путь. Здесь всё тайное рано или поздно окажется явным, а потомки Первых уже готовы пролить кровь». Анастасия @gomtybooks «Прекрасная история, сочетающая современное фэнтези с этническими мотивами и классическое приключение с детальным мироустройством. Увлекательное чтение!» Юлия Яковлева @booksaroundme_

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-04-111953-9

© Арден Л., 2020

© Эксмо, 2020

Содержание

Пролог	7
Глава 1	10
Глава 2	16
Глава 3	26
Глава 4	33
Глава 5	38
Глава 6	45
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Лия Арден

Золото в тёмной ночи

© Арден Л., 2020

© ООО «Издательство «Эксмо», 2020

Пролог

Она уверенно идёт по длинным коридорам, плавно проходя одну комнату за другой. Её шаги мягкие и беззвучные. Она спешит. Единственный источник света – далёкая луна да россыпь переливающихся звёзд на бархатисто-чёрном небе. Их тусклые лучи проникают сквозь высокий стеклянный потолок, но этого недостаточно, чтобы разогнать тени на тёмно-серых каменных стенах, которые кажутся чёрными. Девушка хорошо знает путь и даже в этом сумраке легко минует ступени, помня каждый поворот.

От ночной прохлады кожа покрывается мурашками под лёгкой тканью шифонового платья. Полупрозрачные рукава совсем не греют, и девушка мысленно радуется тому, что оставила длинные волосы распущенными. Тишину нарушает только шелест юбок, которые волнами струятся следом. Всё это время она держит руки сложенными на животе, не меняя положения. Голова высоко поднята, тёмные локоны рассыпаны по спине, лоб украшает простая тиара из красного золота. В центре диадемы переливается перевёрнутый полумесяц, обрамлённый маленькими кристаллами. Довольно скромное украшение, но именно его девушка любит больше всего.

Она минует последний поворот и проходит через огромные деревянные двери. Как и ожидалось, он здесь. В малом зале. Он всегда приходит сюда ночью, спасаясь от бессонницы или желая подумать. Вот и сегодня он здесь: стоит вполоборота от входа, держа руки за спиной.

Темноволосой девушке тоже нравится малый зал. Это место создано для членов семьи и Совета. От дверей через всё помещение стелется светло-серый ковёр, а на небольшом возвышении располагается обманчиво простой чёрный трон, который в скудном освещении не представляет собой ничего особенного. Однако, по преданию, престол был создан из вулканического базальта и осколков упавшей Звезды, которые предки собрали после её крушения на их земли. В более пышном и праздничном большом зале стоит ещё один такой же трон: настоящий, более крупный и величественный.

Их предки возвели престол из того, что почти уничтожило всех. И воссели на него правители людские, доказывая и напоминая потомкам, что и эту напасть им удалось победить, а значит, нет ничего неподвластного нам.

Стены и колонны малого зала украшает резьба по камню и узор, сложенный из разноцветных плиток, покрытых эмалью. Маленькие кусочки кропотливо собраны лучшими мастерами. Помещение освежают невысокие деревья, высаженные вдоль одной из стен. Самое же приятельное в этой комнате – пейзаж, который нельзя найти больше нигде. Только здесь, в малом зале, где стеклянный потолок плавно переходит в прозрачную стену, для каждого вошедшего открывается прекрасный ночной вид на высокие барханы. Их величие простирается далеко за пределы горизонта всё под тем же покрывалом сверкающего неба. Сегодня оно особенно красиво переливается всеми оттенками: от глубокого чёрного до синего и фиолетового.

После недавней бури намело много песка. Днём ветер яростно швырял его о стены и сам разбивался о стеклянную преграду. А сейчас, успокоившись, оставил заносы мирно лежать застывшими волнами.

Здесь светлее, чем в коридоре. Девушка проходит в зал и боковым зрением замечает едва уловимое движение рядом с левой стеной, среди теней от колонн. Значит, они тоже здесь. Два генерала. Два их лучших друга, их семья и свита. Они все росли вместе. Генералы всегда рядом, но девушке легче, если они приглядывают за объектом её поисков.

– Конечно, ты здесь, – она встаёт рядом с молодым мужчиной.

– Где же мне ещё быть? – ласково улыбается он в ответ.

– Например, со своей невестой. Только вчера мы праздновали вашу помолвку, а сегодня ты уже избегаешь её, – она хмурит брови и упирается взглядом в профиль собеседника.

Его глаза всё так же устремлены вдаль, но она уверена, что он прекрасно чувствует её пристальное внимание. Действительно ли он смотрит на песчаные волны или же вспоминает картины из прошлого?

– Я не избегаю её, а чту традиции, – улыбнувшись, он бросает на девушку косой взгляд и приобнимает за плечи, прижимая к себе. – До свадьбы мы не должны видаться, ты же знаешь. Теперь... кто, как не мы, сохранит наши пусть и странные, но всё-таки обычаи?

Девушка фыркает, не особо веря его оправданию. Уж кто-кто, а он никогда не был ярым приверженцем традиций, и тем более не следовал их точному соблюдению.

– Рассказывай. Я прекрасно вижу, как вы что-то обсуждаете по углам! – Она произносит эти слова достаточно громко, оборачиваясь назад и кидая неодобрительный взгляд в сторону стоящих у дальней стены. Они и так всё слышат, но она хочет быть уверена.

В ответ раздаётся лишь шуршание и неловкое покашливание. Молодой мужчина убирает ладонь с плеча девушки и вновь заводит руки за спину, выпрямляясь.

– Мы никогда не хранили секретов друг от друга и не будем начинать делать это сейчас, – говорит она твёрдо.

– Да, ты права... – он замолкает, задумавшись.

Она терпеливо ждёт, зная, что он всё расскажет как есть. Внимание девушки привлекает одинокое облако, которое на мгновение успевает закрыть собой серп луны. В отличие от дневного времени сейчас на фоне прекрасного звёздного неба белоснежное облако кажется грязновато-серым.

– Каидан зашевелился. Возможно, те бредовые донесения, которые мы слышали от разведчиков, не такая уж и чушь. По крайней мере, нам стоит подготовиться. Даже если у них другие планы, всё равно цель – именно мы. Либо он попытается одолеть нас мечом и кровью, либо захочет сразу вырвать нам сердце, – молодой мужчина продолжает смотреть вдаль, сверкая светлыми глазами.

При этих словах руки девушки сами собой сжимаются в кулаки, а сама она стискивает зубы, чтобы приглушить нарастающую в душе бурю.

– Думаешь, он знает?

– Полагаю, только догадывается. Но он оказался безумнее, чем все его предшественники.

– Если донесения разведчиков правда... – она запинается, во рту вдруг пересыхает, а язык становится вялым. Она уже обдумывала этот план, но не решалась озвучить его вслух до нынешнего момента. – Если это – правда, то лучшим вариантом будет, если я соглашусь на их условие...

– Нет, – отрезает он, едва собеседница заканчивает фразу.

– Если начнутся столкновения, то будут и потери. Мы не можем себе этого позволить! Ты сам знаешь. Если это правда, то лучше согласиться на...

– Нет!

Молодой мужчина резко обрывает девушку на полуслове, в этот раз даже не дослушивая её до конца. Его голос эхом отражается от стен, резонируя по венам. Он сказал это достаточно громко, давая понять, что не будет даже и близко рассматривать этот вариант. Беспрекословный. Это ли голос её будущего короля? Движения у стены прекращаются, и на малый зал опускается тяжёлая тишина.

Шумно выдохнув, молодой мужчина разворачивается к девушке и, взяв её за плечи, заставляет посмотреть в его светлые глаза.

– Нет, – повторяет он, но уже мягче.

Она только сейчас замечает, что его тёмные волосы заметно отросли и уже лежат на плечах. Корона будет прекрасно смотреться на его голове. Девушка мягко улыбается своим мыслям, а он принимает это за знак, что она больше не будет думать об этой бессмысленной затее.

– Хватит с нас жертв, сестрёнка, – он ласково поглаживает её волосы широкой ладонью.

Он не может скрыть тень грусти, которая пробегает по лицу. Хотя уголки его губ всё ещё подняты в мягкой улыбке, но глаз она так и не касается. Наверное, он думает, что сестра не замечает, как он избегает зрительного контакта. Такие моменты, как сейчас, – редкость. Она знает, что чувствует брат. Ей тоже по-прежнему тяжело смотреть на своё отражение каждое утро.

– Да, эти идиоты ослабили нас, сами того не зная. Но у нас всё ещё есть мы. И мы будем стоять до конца, ибо на нашей стороне Ночь, и я уверен, что когда придёт время, она нам поможет, – голос будущего короля твёрд и полон надежды. – Вспомни, сестра, что мы, как и наш Первый, не преклоняем колени перед захватчиками. Мы выстоим, все как один. А если же падём, то только все вместе.

Его глаза горят лихорадочным блеском, в них отражается уверенность. И сейчас, впервые за многие годы смирения, в её душе начинает разгораться огонь. Она по-настоящему злится. Она тоже устала спускать им всё с рук. Дверь, за которой все эти годы прятались обида, ненависть и отчаяние, наконец распахивается. Распахивается и даёт этим чувствам пядь за пядью заполнить душу девушки.

Молодой мужчина замечает, как милое личико сестры мрачнеет, а глаза наполняются злыми слезами. Чувствует, как напрягается её хрупкое тело, наливаясь остатками силы, что им досталась.

Неполные.

Да спасутся души тех, кто по незнанию встанет между ними и их мезтью, данной им по праву. И видят звёзды, не они это начали! Они старались избежать этого пути, даже когда должны были первыми хватать мечи и оставлять за собой кровавые следы. Но они молчали ради других, глотали свою горечь и пытались сгладить углы.

Они промолчали раз.

Они промолчали два.

Третьего раза не будет.

– Возможно, это судьба, сестрёнка. Сам ветер шепчет, что пора нам собирать долги.

Его губы растягиваются в хищной, больше похожей на оскал, улыбке. И девушка отвечает ему точно такой же.

Третьего раза не будет.

Глава 1

Это неправильно.

Всё это кажется абсолютно неправильным. Красное наливное яблоко должно было упасть, но почему-то на несколько мгновений зависает в воздухе и только потом, словно вспомнив о гравитации, всё-таки летит на пол.

Наконец у меня получается оторвать взгляд от непослушного плода и посмотреть на себя в зеркало. В комнате стоит полумрак, и лишь через небольшое окно слева пробиваются первые лучи утреннего рассвета. Я бросаю взгляд на своё помятое после сна лицо. На щеке заметен след от подушки, длинные чёрные волосы растрёпаны, а глаза всё ещё кажутся сонными. Особенно левый, светло-серый. Обычно у серого цвета есть тона, уходящие в синий или фиолетовый, но не в моём случае. Радужка левого глаза действительно серая, будто не осталось даже намёка на оттенок. Из-за этого белок смотрится более красным, чем у правого – тёмно-карего. Глаза разного цвета – дефект, который у меня столько, сколько я себя знаю. Изъян, который притягивает к себе чужие взгляды и заставляет слушать перешёптывания за спиной. Иногда даже приходилось отмахиваться от надоедливых вопросов незнакомых людей. Чтобы избежать подобного внимания, я капаю себе в левый глаз особую настойку, которую целители из ближайшего храма на Континенте приготовили специально для меня. Под воздействием этой настойки серая радужка на время приобретает карий оттенок. Правда, эффект держится недолго: около тридцати часов, а иногда даже меньше.

Пару раз сонно моргнув, я снова смотрю на себя в зеркало и, прежде чем наклониться над ёмкостью с водой, чтобы умыть лицо, замечаю, что отражение меняется. Нет ни ряби, ни помутнения. Просто оно вдруг насмешливо наклоняет голову, а губы медленно растягиваются в улыбке. По спине тут же пробегает дрожь, а руки покрываются гусиной кожей. В испуге я резко отшатываюсь от зеркала и пячусь назад. Больно наткнувшись поясницей на угол комода, я слышу, как с него падают на пол несколько банок, но они не разбиваются. Я продолжаю широко раскрытыми глазами смотреть на своё отражение в зеркале, которое так и застыло с улыбкой на лице.

Нет-нет-нет. Это неправильно!

А потом видение вновь меняется и задумчиво моргает.

Раз.

Два.

Насмешливая улыбка сползает с лица, обнажая тень страха в глазах. По моему телу вновь проходит волна дрожи, и на этот раз я открываю глаза по-настоящему, по-прежнему лёжа в своей кровати.

– Меня зовут Ойро. Мне восемнадцать лет, и я... больше не одна... я не одна... не одна... – я шепчу эти слова себе под нос, повторяя их снова и снова, так тихо, что сама едва слышу, что говорю.

Вдох. Выдох. Вдох.

Каждый раз после очередного кошмара, когда я просыпаюсь в темноте, мне нужно напоминать себе об этом. Напоминать о том, что я в безопасности. Понять, что я всё ещё помню своё имя. Меня до сих пор бьёт дрожь, но мысли начинают успокаиваться.

Я продолжаю тихо повторять эту избитую фразу до тех пор, пока дыхание не восстанавливается, а руки не перестают судорожно сжимать край одеяла.

Напоминать себе своё имя стало привычкой с двенадцати лет, когда я потеряла память. Тогда я очнулась одна в темноте, мучаясь от боли, и ничего не помнила, кроме своего имени и возраста. Иногда этот страх снова берёт надо мной верх, и мне становится невыносимо от

мысли, что я могу потерять даже эти крупницы информации. Мне страшно проснуться однажды и понять, что я забыла своё имя.

С тех пор прошло уже шесть лет, а воспоминания ко мне так и не вернулись. Кто я? Где мой дом? Живы ли мои родители? *Искал ли меня хоть кто-нибудь?*

Откинув лёгкое покрывало, я поднимаюсь с кровати, быстро осматриваю спальню и задерживаю взгляд на окне. Сквозь полупрозрачные чёрные занавески проникают первые лучи поднимающегося солнца. Комната у меня скромная: с одной стороны стоят кровать и сундук с одеждой, а с другой – стол, на котором всегда громоздятся стопки беспорядочно сложенных книг. Я люблю читать. Иногда мне кажется, что я успела перетащить сюда все книги, которые только можно найти у нас в доме.

По другую сторону от стола находится дверь. Она ведёт в небольшое помещение, где я обычно умываюсь и привожу себя в порядок. При виде висящего там злополучного зеркала из ночного кошмара по спине вновь пробегает холодок, но я сжимаю кулаки и заставляю себя посмотреть в него, потому что бояться собственного отражения – это глупость. К моему облегчению, сейчас зеркало и отражение абсолютно обычные, какими и должны быть.

Умывшись прохладной водой, приготовленной с вечера в кувшине, я расчёсываю волосы. На мгновение задумываюсь о том, не стоит ли их подстричь, так как они отросли до середины спины. Однако забываю об этом, когда капаю пару капель настойки в левый глаз. Опершись ладонями о край металлического умывальника, наблюдаю, как серый цвет меняется на карий. Я внимательно рассматриваю своё лицо и всё пытаюсь понять эти странные сны с отражением. У меня достаточно большие, но при этом глубоко посаженные глаза. Прямой, аккуратный нос и в меру пухлые губы. Из-за наклона бровей моё обычное выражение лица можно назвать хмурым или излишне серьёзным. Хотя это даже на руку, потому что я предпочитаю, чтобы люди считали меня неприветливой особой и как можно реже обращали внимание. Мне не нравится, когда ко мне вдруг подходят незнакомцы с навязчивыми разговорами.

Настойка подействовала, и сейчас мои глаза кажутся одинаковыми и совершенно обычными. А меня можно назвать если и не красивой, то хотя бы достаточно привлекательной. Я бы предпочла всегда так выглядеть...

– Ты весь день будешь на себя смотреть или всё-таки позавтракаешь с нами? – В дверях появляется Лайла Сесциа. Моя приёмная мать. Несмотря на приближение к сорокапятилетней отметке, она по-прежнему бодрая, жизнерадостная и обладает крепким здоровьем, а седина хоть и тронула почти треть её чёрных волос, карие раскосые глаза блестят всё так же ярко, с вызовом. Сама Лайла очень стройная и миниатюрная женщина. Несмотря на уже заметную паутинку морщин вокруг глаз, она явно готова потягаться со своим возрастом. И ещё неизвестно, кто кого одолеет.

– Иду. Ты снова приготовила мои любимые вафли?

– Конечно! Мы с тобой можем их есть хоть каждый день. Только из-за твоего отца приходится иногда их с чем-то чередовать, – усмехается она мне в ответ.

Мы с Лайлой проходим на кухню, где застаём Роя Сесциа, пока тот неохотно ковыряет свой завтрак в виде пышной вафли, политой вишнёвым вареньем. По его хмурому выражению лица и страдальческой гримасе становится ясно, что завтра утром мы будем есть что-то другое. Скорее всего, яйца, кашу или хотя бы грибной суп с хлебом. Не в силах сдержаться, я едва слышно хмыкаю, но под тяжёлым взглядом приёмного отца тут же кошусь в окно и прикрываю рот рукой, делая вид, что у меня першит в горле.

Рой лет на пять старше Лайлы, и они полные противоположности. Высокий мужчина давно не стригся, отчего его волосы почти доросли до плеч, и сквозь седину можно заметить, что раньше он был светлым блондином. Голубые глаза лишь немного потускнели с возрастом, но взгляд остался всё таким же внимательным, подмечающим любые мелочи. Как правило, он носит аккуратную бороду, но за последние несколько дней она отросла длиннее обычного. Годы

же практически не властны над крепким телом бывшего капитана королевской гвардии. О его предыдущей профессии напоминают шрамы на руках и ещё один, едва заметный, – на скуле под левым глазом. За это лето Рой сильно загорел, и его от природы светлая кожа приобрела красивый бронзовый оттенок, отчего белая полоска старого рубца сейчас выделяется сильнее обычного.

Один из самых жутких шрамов виден у него сбоку на шее. Он очень старый, но, вероятно, та рана была настолько серьёзной, что даже годы не смогли сгладить след. Иногда я задаюсь вопросом, связано ли это ранение с причиной его ухода из армии? Или всё же это была случайная травма?

Рой и Лайла. Помимо разницы во внешности, они также привлекают к себе внимание тем, что любят друг друга и состоят в браке, будучи представителями разных стран. Он каиданец, а она теялийка.

На Континенте людям из разных стран давно запретили жениться, и обойти этот закон можно, только доказав отсутствие Дара или других магических способностей. И пройдя такую проверку, после вступления в брак любящие пары всё равно обязаны перебраться жить на цепь островов, у которых даже нет своего названия. Их так и окрестили: «Острова». Отчасти это похоже на ссылку из родных краёв, на изгнание вдаль от близких. И далеко не все готовы идти на такие жертвы ради любви.

Иногда мне интересно, что Лайла и Рой оставили позади? Были ли у них семьи? Сожалеют ли они о своём выборе? Потому что теперь дорога назад им закрыта. Они могут посещать Континент, но ненадолго. Острова – их единственный дом, который они не в состоянии покинуть. Мы уже шесть лет вместе, а я ни разу не осмелилась задать эти вопросы вслух.

Мне известно только о дальнем родственнике Лайлы, что занимается целительством. И то про него рассказали лишь потому, что он должен был сделать настойку для моего глаза.

– Давайте уже покончим с вафлями на завтрак и перейдём на что-нибудь другое, – слегка кривится Рой.

Я сажусь на скамью рядом и ободряюще похлопываю его по плечу. Тяжело не улыбаться, глядя на то, с какой печалью он смотрит на свою порцию. Похоже, жить с двумя женщинами, любящими сладкое, не такое уж и лёгкое дело.

Приёмные родители мне нравятся. Хотя нет, не так. Я полюбила их. Они заменили мне настоящую семью, а я, как мне кажется, помогла им справиться с их утратой.

Когда-то у Роя и Лайлы была дочь, но после своего седьмого дня рождения она заболела и начала стремительно чахнуть. На Островах есть лекари, но настоящие целители живут на Континенте, куда можно попасть на корабле. Он курсирует раз в неделю, несмотря на то что путь занимает всего один день. Когда Рой и Лайла всё-таки прибыли на Континент, девочке уже никто не мог помочь.

Через год в трюме такого же корабля, который причалил к берегам главного острова, безутешная мать нашла меня: напуганную, вымазанную в грязи, с засохшими кровоподтёками, синяками и помнящую лишь своё имя и возраст. По её словам, я пряталась в самой темноте за ящиками с провизией и мешками с зерном. Лайла рассказывала, что я сидела, почти не моргая и не плача, застыв, как изваяние. Даже заметив мои разные глаза, теялийка не испугалась.

Ни один из народов подобные изъязны не любит. Скорее всего, многие бы на её месте решили, что я проклята или могу навести порчу на всю их семью, и вряд ли бы прикоснулись ко мне, не говоря уже о том, чтобы попытаться помочь. Лайла же накинула на меня свой плащ и, когда стемнело, увела с корабля, монетами купив молчание нескольких моряков. Но потерянная память ко мне так и не вернулась. Все эти годы я заменяла приютившей меня паре дочь и была благодарна за спасение и за доброту, которой они меня окутали, подарив родительское тепло.

Обычно после завтрака Лайла занимается своей скромной пекарней, а мы с Роем помогаем. Хотя помощники из нас плохие, потому что мы оба не любим готовить. Приёмный отец также занимается охотой и рыбной ловлей – часть мы оставляем себе, а часть продаём на рынке. Несмотря на, казалось бы, жестокие правила вступления в брак между жителями разных стран, желающие всё-таки находятся. И достаточно много, чтобы основное поселение постепенно разрослось до небольшого города со своей главной площадью, садами, несколькими рынками и портом.

Сами Острова являются скоплением кусков земли над поверхностью воды, и тот, на котором обитаем мы, – центральный и самый крупный. Здесь протекает вся основная торговля. Это приятное место для проживания: умеренно тёплый климат, в основном территории покрыты зелёными холмами, но также есть невысокие горы и пышные леса. Почва тут плодородная, достаточно места для охоты, и поблизости водится много рыбы.

Основной Город, раскинувшийся на западной части побережья, тоже не имеет названия и вмещает жителей со всех четырёх стран Континента. Здесь можно встретить абсолютно все культуры и народы.

Высокие и светловолосые каиданцы, как Рой, чаще всего немного хмурые и порой чересчур серьёзные. Вероятно, их характер сформирован холодным климатом родного *Каида́на*, который расположен на самом севере Континента и считается единственным местом, где можно наблюдать смену всех четырёх сезонов, а зимой даже бывают метели. На Островах же если и выпадает снег, то очень редко и долго не лежит. Обычно он тает, как только касается земли. Несмотря на разногласия между народами, моя мечта – когда-нибудь увидеть снежную зиму и узнать, действительно ли из-за него мир становится белым. Правители этой страны делают упор на армейской подготовке. Именно Каидан выполняет роль мирового судьи и больше всех выступает за соблюдение закона о запрете браков, строго следя за его исполнением.

Самые открытые – темноволосые теялийцы с раскосыми глазами и светлой кожей, как Лайла. По телосложению соотечественники приёмной матери чаще всего худые и гибкие. Они также шумные, но открытые душой, всегда готовые помочь и подсказать. Однако в чём-то консервативны. Теялийская культура полна старых традиций и правил, которые необходимо соблюдать при общении с ними. Говорят, их родная *Теяла́* – прекрасное место, покрытое зелёными лугами и наполненное различными яркими благоухающими цветами, а океан возле берегов страны имеет чистейший бирюзовый оттенок.

Илосийцы самые скрытные и молчаливые среди остальных, обладают тёмными волосами и оливковой кожей, которая иногда бывает и светлой. От теялийцев их больше всего отличают именно глаза: с обычным разрезом и самых разных оттенков, от карего и голубого до более редкого зелёного. Об илосийцах известно не слишком много, так как очень мало людей решают сунуться в безжизненную пустыню, которая покрывает всю территорию их страны. *Илос* находится в южной части Континента, и ходят слухи, что ночью среди песков можно потерять себя во тьме.

И последние – исарийцы. В основном они светловолосые, как и каиданцы, но подчас встречаются и обладатели медных шевелюр. Иногда я завидую такому интересному цвету, напоминающему закатное солнце, которое мягко разливается по плечам. Но насыщенный рыжий оттенок локонов я видела лишь один раз у дочери посла, когда они с отцом прибыли из *Иса́ра* в наш Город. Кожа у них чуть более загорелая, чем у северных соседей, а глаза почти всегда тёмные. Исар – место, покрытое зеленью лесов, а его жители являются самыми искусными ремесленниками, способными создавать уникальные изобретения.

Внешне я больше всего похожа на илосийцев. Как только я поняла, к какому народу принадлежу, то стала часто представлять себе виды родной страны. *Как выглядит мир, полный песка? Правда ли, что ночью всё небо сверкает, усыпанное звёздами, а барханы из оран-*

жесых становятся чёрными? И выдумка ли то, что на самом-самом юге можно увидеть, как пустыня встречается с океаном? К сожалению, на Островах мало представителей моего народа, а те, кто есть, упорно молчат, продолжая хранить секреты родного Илоса.

Мне очень хочется узнать свой дом. Иногда желание сложить вещи и сорваться в путь накрывает меня с такой силой, что я открываю сумку, чтобы начать собираться в дорогу, но в конце всегда замираю, не в силах пошевелиться. Даже начать не могу. Я стискиваю в руках грубую ткань сумки, как будто это придаст мне уверенности, но в итоге всегда ослабляю хватку, злюсь на свою трусость и нерешительность. Здесь мне уютно и спокойно. Меня защищают, у меня есть семья. Приёмная, но семья. Однако чувство вины нещадно грызёт меня изнутри за то, что я даже не могу потрудиться найти настоящих родных.

Возможно, они страдают, потеряв меня. Я боюсь этого... и в то же время надеюсь на это. Внутри всё холодеет от мимолётной мысли, пробегающей словно тень. Мысли, что меня никто не ждёт. Никто по мне не скучает и не ищет. Никто во мне не нуждается. Эта мысль всегда такая быстрая, скользкая. Она не живёт в сознании постоянно, но любит проскочить мимоходом, отравляя настроение и оставляя неприятный привкус во рту.

Покончив с завтраком, я переодеваюсь в лёгкие тёмно-серые штаны и светлую рубашку, поверх накидываю плащ с капюшоном. Сейчас ранняя осень. Погода всё ещё стоит мягкая и достаточно тёплая, но внезапные дожди тоже случаются, поэтому без раздумий надеваю невысокие кожаные сапоги. В одежде я всегда предпочитаю что-то комфортное и чаще всего ношу ткани бежевых, серых или белых тонов, потому что именно такие цвета обычно выбирают илосийцы. Мне хочется хоть в чём-то походить на свой народ, хоть в чём-то быть ближе к нему. Даже если ничего другого вспомнить не удаётся: ни как выглядит пустыня, из которой состоит большая часть Илоса, ни как там печёт солнце, ни праздников и традиций страны. Всё равно мне хочется носить эти цвета... В душе я понимаю, что это похоже на жульничество: я отставляю знания, которых не помню. Ношу на лице понимание, как маску, хотя за ней скрывается пустота.

– Я загляну в кузницу и на постоялый двор у порта. Покупатели просили принести заказанную выпечку Лайлы пораньше, – говорю я Рою, подхватывая заранее приготовленную корзину со сдобой.

– Потом не забудь о наших занятиях, – кричит он мне вслед.

В ответ я киваю и вылетаю из дома. Не оборачиваюсь, чтобы удостовериться, заметил ли он мой согласный жест. Мы и так оба знаем, что я никогда про них не забываю и не опаздываю. Занятия с Роем – одно из самых интересных событий почти каждого моего дня. К тому же кажется, что и для приёмного отца это имеет большое значение. Он учит меня обращаться с оружием и защищаться. Всё-таки меня нашли не в лучшем состоянии, и возможно, что на меня напали, а Рой в прошлом был капитаном гвардии в Каидане и тренировал солдат для короля. А ещё являлся одним из лучших военных, имел статус и влияние. Но, как я поняла из его скудных пояснений, что-то произошло. То, что он не смог больше игнорировать и решил уйти. Рой – замкнутый человек и никогда не рассказывал, что же случилось. Даже Лайла если и знает причину, то тоже молчит, не вдаваясь в подробности.

Выйдя на улицу, я на мгновение оглядываюсь на наш дом, окружённый полями. Само здание небольшое, без излишних украшений. Простой фермерский коттедж, который практически ничем не отличается от десятка других в округе. На территории семьи Сесция также есть маленький сад, где Лайла с любовью выращивает красивые цветы. Она говорит, что большая их часть привезена с её родины, Теялы. Рядом разбит обширный огород с овощами, и, судя по покрасневшим помидорам, скоро можно будет собирать урожай. А невдалеке виднеются курятник, маленькая конюшня и поле, отведённое для тренировок. Вся территория обнесена невысоким забором. Защиты от него никакой, но помогает обозначить семейные владения.

Если посмотреть вокруг, можно заметить много таких отдельно стоящих домов. Свободного места на Островах достаточно, и желающие сами выбирают, где жить. Кто-то селится отдельно, как мы, или же в самом Городе, где здания в несколько этажей стоят плотно друг к другу. От нашего коттеджа до окраины буквально пятнадцать минут бегом или двадцать пять – спокойным шагом.

Стоит потрясающая погода. Чистое небо и приятный свежий ветер, приносящий с собой запах моря, так и влекут. Поэтому сегодня я пробегусь.

Глава 2

Пятнадцать минут бегом, и я уже на мосту у южных ворот на подходе к Городу. От усилий волосы слегка растрёпаны, а на шее и лбу блестят несколько капель пота, которые я быстро смахиваю, после чего продолжаю уверенным шагом идти дальше к воротам, а затем в сторону порта.

Я втягиваю солёный морской воздух. Мне нравится бывать в Городе, я люблю разглядывать людей и вывески в поисках чего-нибудь нового или интересного. Вот и сейчас мотаю головой то направо, то налево, раздумывая о том, стоит ли зайти в библиотеку по дороге обратно. Она безумно скромная, но её владелица-исарийка недавно вернулась с Континента и, возможно, привезла новые книги.

Главные улицы Города вымощены камнем, а боковые проулки покрыты землёй и песком, но они настолько протоптаны, что даже в дождливую погоду не превращаются в кашу. Вдоль дорог плотно друг к другу располагаются почти одинаковые двухэтажные здания, построенные из серого и иногда красноватого камня. Помимо главной площади и одного-единственного парка, в Городе нет никаких красивых мест. Дома здесь возводятся простые, без излишних украшений в виде барельефов или лепнины, балкончики – и то редкость.

Многие жители знакомы друг с другом. И большая их часть так и думает, что я – родная дочь Лайлы и Роя, дочь, которая просто отсутствовала какое-то время, лечась от болезни на Континенте. Хотя, как мне кажется, все замечают, что сходства между нами нет. Взглянуть только на цвет моей кожи – она оливковая, в то время как Рой и Лайла обладают светлой кожей, которая легко покрывается загаром. Однако другие горожане, к счастью, предпочитают игнорировать это, возможно, потому что уважают моих приёмных родителей или же просто не хотят вмешиваться. Хотя бывают и такие, кто бросает на меня недоверчивые взгляды, но даже они помалкивают, не задавая лишних вопросов.

Я быстро заглядываю на постоянный двор и в хорошо знакомую кузницу, чтобы отдать заказы и получить за них деньги. На постоялом дворе хозяйка накидывает мне одну серебряную монету сверху за то, что я пришла раньше оговорённого срока. Правильно сделала, что решила пробежаться! Не сдерживая улыбку, я сжимаю деньги в руке и решаю свернуть на базар к лоткам с различной уличной едой. Особого чувства голода я не испытываю, потому что завтрак ещё не успел перевариться, но среди всех этих румяных булочек с корицей и сухофруктов взгляд сам собой задерживается на новой сладости, которую я ещё никогда не видела. Четыре клубники нанизаны на тонкую палочку и политы прозрачным сладким сиропом, который придаёт ягодам глянцевого блеска.

– Это дивное угощение можно попробовать только в самой Теяле! – тут же подсказывает торговец-теялиец. У мужчины длинные тёмные волосы, стянутые в аккуратный пучок на затылке. – Рецепт сладости привёз мой родственник прямо из столицы! Нигде в Городе ты такого не найдёшь. Тебе понравится, девочка. Попробуй!

Продавец не перестаёт улыбаться, говоря о своей стране, и, похоже, гордится товаром. Традиционная теялийская накидка с широкими рукавами местами выцвела под солнцем, но на ней ещё можно разглядеть красивый растительный узор, вышитый по подолу. Выглядит необычный десерт и вправду аппетитно.

Не удержавшись, я покупаю у теялийца ягоды, политые сиропом, и шагаю с ними в сторону главной площади. Мне не хочется сразу возвращаться домой, поэтому, прежде чем идти обратно на занятия к Рою, я решаю посидеть рядом с центральным фонтаном и насладиться прекрасным утром и атмосферой городской жизни.

Хоть это место и называется площадью, на деле же оно занимает совсем небольшое пространство, а в середине установлен скромный фонтан в виде статуи дельфина, пускающего невысокую струйку воды из пасти. Говорят, её создал один из первых исарийцев на Островах.

Выйдя из-за угла, я сразу замечаю старую Мальту. Она сидит вполоборота к фонтану на маленьком деревянном ящике, поставленном близко к центру площади. Вокруг неё толпится ребятня. Они толкают друг друга в попытке занять места поближе к рассказчице.

Мальта – исарийка с очень скверным характером. Её длинные, слегка выющиеся волосы выбелены возрастом настолько, что не осталось ни одной пряди, чтобы понять, какого оттенка они были в молодости. Седина резко контрастирует с загорелой кожей, которая хоть немного придаёт здоровый вид старухе. Она пользуется тростью, но её спина всегда остаётся прямой, а шаги уверенными, хоть и неторопливыми. Из-за этого мне непонятно, сколько же Мальте на самом деле лет, но на вопрос о возрасте от неё можно получить тростью по голове, поэтому я не спрашиваю. Лицо сказительницы покрыто множеством морщин, самые глубокие из которых находятся на переносице и лбу, свидетельствуя о частом пребывании их обладательницы в плохом расположении духа. Однако всё-таки заметно, что в молодости она была привлекательной женщиной.

Несмотря на её постоянное брюзжание и резкие слова, дети, подростки и даже я – мы все ждём очередного дня, когда Мальта выйдет на главную площадь, чтобы рассказать парочку интересных легенд и историй. Они всегда повторяются по кругу, но я всё равно каждый раз останавливаюсь, чтобы послушать. Рассказы старухи часто уносят меня мыслями в направлении такого родного и ныне недостижимого Илоса, и каждый раз я надеюсь что-нибудь вспомнить.

Мальта – одна из немногих, кто игнорирует любые неловкости и продолжает придирается ко мне с разными вопросами, часто ставя в тупик, поэтому я стараюсь проскочить мимо неё как можно незаметнее, когда есть возможность. Откусив первую клубнику, я огибаю фонтан, чтобы сесть на край бортика позади старухи и тайком послушать её рассказы. Вкус у ягоды потрясающий, а сироп застыл и интересно похрустывает на зубах.

Скорее всего, Мальта либо ненавидит илосийцев, либо ей не по душе лично я, так как каждый раз при нашей встрече старая исарийка хмуро на меня смотрит, а бывает, даже бросает пару крепких замечаний: то я сижу не так, то дышу громко, то взгляд у меня странный. Хоть Мальта никогда не видела моего настоящего серого глаза, мне всё равно кажется, что она знает о нём. Стараясь поменьше шуметь, я подбираю под себя ноги, удобно устраиваясь на краю фонтана, и с удовольствием отмечаю, что старуха пока меня не заметила.

– Хватит дёргаться. И сядьте вы уже на свои места! – рявкает она на детей, которые продолжают толкаться.

Сегодня она, как всегда, не в духе. После её слов ребятня, как по волшебству, резко рассаживается по местам и сразу замолкает, боясь разозлить Мальту ещё больше, так что им не достанется ни одной истории.

– В столь прекрасный день у меня хорошее настроение, и в этот раз я расскажу вам всё без утайки.

Я чуть не давлюсь ягодой на слове «хорошее».

– Я поведаю вам о новом начале. О четырёх странах, которые когда-то были одной, и о четырёх детях, которых когда-то было пять. Вы узнаете иную историю Континента, – нарастав произносит исарийка, медленно обводя взглядом маленьких слушателей. – Когда-то давным-давно не существовало ни Каидана, ни Илоса, ни Теялы, ни даже Исара. Не было даже наших Островов. Континент был един, как и страна, чьи размеры намного превосходили то, что мы знаем сейчас. Люди, жившие тогда, сильно отличались от нас теперешних. Легенды гласят, что они были умны, да так, что их творения стали превосходить создателей. Говорят, что наши предки умели летать по небу и ходить под землёй или даже под водой. Однако вместе

с благоденствием пришли распри и раздоры. И когда люди совсем погрязли в них, на Континент упала Звезда, стирая старый мир.

Мальта делает паузу, наблюдая за реакцией. Дети снова удивлённо распахивают глаза, услышав о Звезде, хотя, могу поспорить, что каждый на Островах и Континенте о ней знает. А ребятня слышала начало этой легенды много раз не только от Мальты, но и от родителей, которые учили их истории. Но старая исарийка с хриплым голосом производит более мрачное впечатление. Такие рассказы особенно хороши ночью, перед костром, который выбрасывает искры в воздух и заставляет плясать тени на лице, – дети были бы в ужасе и восторге.

– После её падения в земле остался кратер, который позже превратился в залив. А часть Континента откололась и ушла под воду. Именно от этой отколовшейся части и появились наши Острова. На Континенте же по сей день виден кратер от Звезды. Сейчас мы его называем заливом. Теневой залив. После того как Звезда упала, мир изменился.

Мальта понижает голос, как будто о тёмных временах можно говорить только тихо. Каждый раз, когда исарийка доходит до этой части, кажется, что сама природа помнит ту эпоху и хмурится, закрывая солнце облаками, а оживлённый шум города отходит куда-то на второй план.

– Звезда врезалась в самый большой вулкан Континента, и от удара на поверхность вырвался жидкий огонь, от которого не было спасения. Но хуже всего была тьма, пришедшая на смену огню. Небо заволочло мраком, и начал падать пепел, отравляя всё живое. Люди скрывались под землёй, уходили в море, но к тому моменту треть населения уже погибла. Хотя тогда они ещё не знали, что это было лишь началом, так как наступила Чёрная Зима. Небо ещё долгие годы было затянуто едким дымом, который не пропускал тепло солнечных лучей. Люди начали забывать вид голубого неба и в каких оттенках алеет закат. Вместе с темнотой пришли холода, а из-за отравленной земли – голод. Именно он убил ещё одну треть. Как это всегда бывает, в скорби время тянулось медленно. Шли месяцы, а потом годы, но Чёрная Зима едва ли отступила, лишь в бесконечной мгле появился просвет. И тогда люди потеряли последнее – надежду.

Несколько детей тревожно вздыхают, ожидая продолжения. Я же не замечаю, как непроизвольно задерживаю дыхание и немного подаюсь вперёд, вслушиваясь в печальную историю. Пауза Мальты даёт мне секунду, чтобы выдохнуть. Исарийка продолжает молчать, хмурия лоб, словно ей тяжело припомнить продолжение. И только через какое-то время на её лице медленно появляется хитрая улыбка.

– Удача ли, судьба или просто нелепая случайность... но именно в этот момент появилось спасение. Вышло так, что во время падения Звезды достаточно близко, но в меру далеко находилась одинокая деревня. И пострадала она одной из первых из-за ударной волны, которая раскинулась в стороны. Большая часть жителей погибла, но некоторым семьям повезло, поскольку они успели укрыться в погребах, а потом вдвойне повезло, поскольку они выжили в огне. Одна семья оказалась особенной. Там была Мать. Людей, которые знали её имя, давно не стало, поэтому и мы зовём её только так. От первого мужа, который умер ещё до катастрофы, у неё осталось двое светловолосых детей. А потом родился ещё один темноволосый сын от нового брака, но особенными были последние. Двойня. И была в этой двойне... и была в двойне... хм, что-то было там особенное, – глядя в небо, Мальта задумчиво скребёт подбородок.

Несколько слушателей нетерпеливо ёрзают, а я откусываю ещё одну сладкую клубнику, с недоверием покачивая головой. Старуха любит прерывать историю на самом интересном месте, чтобы подогреть ожидание, будто суп в котле.

– Девочка! Там была де...вочка... – не выдержав, подсказывает один неусидчивый мальчик. Хотя под пристальным взглядом исарийки концовку он стыдливо бормочет себе под нос.

– Правильно. В этой двойне была первая в семье дочка. И родилась она самой последней. Двое родителей и пятеро детей. Большая семья, которой с долей немыслимой удачи удалось

выжить в той тьме. Когда шёл третий год Чёрной Зимы, старшему сыну стукнуло восемнадцать лет, а младшим близнецам – по десять, у каждого открылся их Дар для остальных и проклятье для них самих. Возможно, Звезда или сама Судьба наделила их способностями, чтобы спасти Континент и дать выжившим ещё один шанс. У старшего сына *Исара* талантом оказался Воздух. Он разогнал пыль, и люди плакали, снова увидев солнце и голубое небо. Второму светловолосому сыну *Каиду*, которому исполнилось шестнадцать лет, достался Свет. При помощи своего Дара он помог Исару разогнать тьму и притянуть тепло, согрев землю и благодарный народ, уже начавший забывать, как приятны согревающие лучи солнца. Дар Воды помог двенадцатилетнему кареглазому *Шейну* очистить города, и благодаря ему по Континенту вновь заструились реки. И последние – решительный *Илос* и красавица *Теяла*. Они были как принц и принцесса, но им... достались самые непростые Дары. Теяла, владевшая Огнём, вначале пугала людей. Те не могли забыть страх перед столбами жидкого пламени, которые сгубили так много народа. Но Теяла дарила людям тепло своих костров по ночам и сжигала отравленные травы и растения, снова делая земли плодородными. Да и мало кто мог устоять перед её очарованием – она прямо-таки светила жизнью, а в глазах её сверкали сами звёзды. Девочка была маленькой принцессой не только для своей семьи, но и для всего народа. Благодаря ей, Шейну и Каиду на полях снова появился урожай, а люди постепенно начали забывать о голоде. Смотря же на Илоса...

Мальта снова делает паузу и поворачивает лицо, так что я вижу, как оно принимает ослабленное выражение, будто рассказ о втором близнеце когда-то давно заставлял её грустить, а теперь оставляет пустоту и принятие прошлого, которое не изменить.

– Даже спустя долгое время никто так и не понял, зачем мальчику достался такой Дар и Дар ли это вообще. Его сила заключалась во Тьме. Говорят, Илос был способен превратить день в ночь в мгновение ока и заглянуть в чужое прошлое. После нескольких демонстраций способностей родители запретили ему проявлять свой талант на людях, опасаясь за жизнь сына... И он послушался. С тех пор никто не видел, что он умел, и насколько с возрастом изменилась его сила. Однако существовало и то, о чём почти никто не слышал...

Старая исарийка снова понижает голос и, заговорщически улыбаясь, продолжает рассказ:

– Иногда в древних легендах говорится, что на самом деле Илос мог исцелять, и именно от него пошли целители, которые сейчас спасают жизни, а вовсе не от Шейна, как мы думаем. Также ходят слухи, что прикосновение младшего из братьев дарило покой, сравнимый с теплом весенней ночи, и именно благодаря его Дару на Континенте воцарился мир, какого не было даже до падения Звезды. Некоторые шепчут, что отсутствие войн в течение многих столетий – это тоже заслуга потомков Илоса.

Я быстро моргаю, строясь гипнотическое наваждение от рассказа Мальты. Об Илосе известно мало: немногие видевшие его даже не знали, что это был он. Ходят легенды о его красоте, скрытности и Даре чёрной ночи. Может ли быть, что история, которая передаётся столетия, неверна или хотя бы... неполна? Кажется, Мальта сама объята противоречивыми воспоминаниями, потому что не отрываясь, рассеянным взглядом смотрит на единственного в толпе детей голубоглазого илосийца, чьи тёмные волосы в беспорядке спадают на плечи. Мальчик заворожённо ждёт продолжения истории. Наверное, он впервые слышит, как о прародителе его страны говорят что-то новое и тем более хорошее.

– Правда, надо добавить, что в последние лет пять его потомки плохо стараются, так как на Континенте уже не первый год неспокойно. Но это не важно! Это всего-навсего слухи, а может, и вовсе небылицы, – старуха резко выпрямляется и качает головой, как бы отрицая свои собственные слова и жалея о сказанном. – Этих пятерых детей называли *Первыми*, потому что позже появились другие с похожими способностями, но их таланты были бледной копией того, чем владели братья с сестрой. Тем временем они росли, становились сильнее и выносливее, а вместе с ними, как цветы из бутонов, раскрывались и их Дары. После Чёрной Зимы никого спе-

циально не нарекали правителем, но именно Первые стали главной силой, которая возродила жизнь на Континенте. Еды было в достатке, на юго-западе рос прекраснейший город – Астара, который сейчас находится на территории Теялы и по сей день зовётся «Жемчужиной принцессы». Первые охраняли покой и защищали народ от капризов природы. Люди заново научились жить счастливо, заново выстроили культуру и создали новые традиции. И лишь Теновой залив, как большой шрам, напоминал о том, что произошло. И когда показалось, что призрак скорби покинул те земли навсегда... пришло горе, которого никто не ждал. Не стало Теялы.

Я слегка ёжусь, ожидая снова услышать самую трагичную часть истории Первых. Если бы Теяла не умерла, то Континент сейчас был бы совсем другим. Жизнь всех людей оказалась бы иной, а Островов, куда отправляют как в изгнание, наверняка не существовало бы вовсе.

– Такой же осенью, как сейчас, за неделю до двадцатилетия Теялы и Илоса повсюду отмечали окончание Чёрной Зимы. В Астаре этот праздник называли *Хокхан* – так его называют на всём Континенте и по сей день. На тот момент прошло ровно десять лет, как у четырёх братьев и их сестры появились Дары. И, похоже, в тот день им пришлось расплатиться за способности, – голос Мальты ещё больше мрачнеет. – Оказалось, что кто-то из Первых обладал ещё одной способностью – забирать силу другого. Высасывать Дар, а иногда и жизнь. Кто из братьев это сделал? Было ли это преднамеренным убийством или трагической случайностью? Послужила ли причиной зависть к Дару Огня или причины не существовало вовсе? Никто до сих пор не знает. История гласит, что Теялу первым нашёл её близнец Илос, и в то же мгновение каждый в их дворце, в Астаре и почти на всём Континенте понял, что произошло нечто непоправимое. Стоял день, но охваченный горем Илос погрузил мир в такой непроглядный мрак, что люди кричали и плакали от ужаса, не в состоянии рассмотреть даже собственных рук. И горе навсегда одинокого брата было так беспросветно, что тени закрыли на какое-то время почти весь Континент.

Я шумно выдыхаю, не в силах представить столь всеобъемлющую скорбь и столь огромную силу.

– Что же до Теялы, то её тело лишь отдалённо напоминало молодую принцессу. Светлая кожа стала тёмно-серой, а местами чёрной, как пепел. Тёмные, как ночь, волосы почти полностью побелели, а звёзды в глазах потухли навсегда. Также говорят, что Мать, скорее всего, оказалась свидетелем смерти младшей дочери, но почти ничего не смогла об этом рассказать. Тот, кто напал на Теялу, схватил за руку и Мать, но так как та не владела никаким Даром, из неё начала уходить жизнь. По какой-то причине убийца так и не довёл дело до конца: она осталась жива, только вся кожа на левой руке посерела и часть медных волос потеряла цвет, поседев. Безутешную женщину нашёл Шейн недалеко от места трагедии. Шепотом она повторяла: «Он забрал её огонь, он забрал огонь...» Эти слова стали единственной зацепкой и породили семя недоверия, которое, как грозовая туча, росло над Астарой, пока не раскололо Первых. Вы знаете, дети, кому молва приписывает убийство Теялы?

Юные слушатели с опаской переглядываются, переживая, следует ли говорить имя вслух. Ведь настоящий убийца не был найден, не обнаружили ни единой зацепки. Но, как и в любой истории, раз есть трагедия, то должен быть и злодей, который в ней виновен. Несколько детей бросают насторожённые взгляды в мою сторону. Ребятам можно хоть сотню раз объяснять и врать, что я дочь Роя и Лайлы, но они всё равно не верят, так как видят, на кого из народов я похожа, хотя вслух, конечно же, помалкивают, боясь получить от меня нагоняй. Я же, догадываясь, что они хотят сказать, отправляю в рот последнюю клубнику, похрустывая трескающимся сахарным сиропом, и поднимаю голову, с вызовом глядя на малолетних сорванцов.

– Илосу, – вразнобой бормочут дети.

Ну конечно!

Я не сдерживаюсь и, громко фыркнув, закатываю глаза. Из-за этого промаха Мальта резко оборачивается, наконец замечая меня. Я сразу же перестаю жевать, а старуха, всё так же буравя меня почти чёрными глазами, задаёт детям новый вопрос:

- Почему?
- У него Дар Тьмы! В ночи нет ничего хорошего.
- Почти никто не знает, что именно он умел!
- Он нашёл Теялу первым!
- А может, убил, а потом просто притворился, что нашёл!

Осмелев, малышня выпаливает разные варианты, перебивая друг друга. Мне и тому единственному илосийцу, который теперь сидит тихо, глядя в землю, не особо приятно. Ведь мы вроде как являемся потомками возможного убийцы, поскольку считается, что каждый народ даже внешне похож на своего предка, на своего Первого. Те, кто родился в Исаре, причисляют себя к ветви старшего сына Исара и чаще всего обладают способностями, связанными с воздухом. Жители Каидана верят в свою связь со светом и Каидом. Илосийцы происходят от младшего брата. Только теялийцы ведут свой род от Шейна.

Третий по старшинству брат не смог смириться с потерей Теялы и назвал свою страну в её честь. Так появились теялийцы, но связаны они не с огнём, а с водой – Даром Шейна. А огонь... огонь, казалось, пропал. Как ни странно, других людей со способностями управлять пламенем не появилось, будто этот Дар покинул мир после смерти Теялы.

- А ты что думаешь, девочка? – Мальта всё не отрывает от меня взгляд.

На самом деле старуха, рассказывая эту историю, каждый раз на этом моменте задаёт мне один и тот же вопрос, чем поначалу выводила из себя. Потом мне стало казаться, что причиной постоянных уточнений служит плохая память. Но в конце концов я решила, что рассказчица надо мной издевается, испытывая моё терпение.

– Это не он, – в очередной раз, но уже спокойно отвечаю я. Чтобы прибавить уверенности своим словам, я выпрямляюсь и смело смотрю на старую исарийку в ответ.

– Хм... хорошо, – Мальта кивает, а затем равнодушно пожимает худыми плечами и поворачивается обратно к толпе детей.

Хорошо?! И всё?

Наклонившись назад, я пошатываюсь и чуть не падаю спиной прямо в фонтан.

«Это что-то новенькое!» – думаю я, восстанавливая равновесие, сидя на узком каменном бортике. Однако я не успеваю придать большее значение такому простому ответу, потому что исарийка продолжает рассказ:

– Ну а дальше вы все знаете историю. Мать прожила ещё полгода, горе завершило дело, которое начал убийца Теялы. Её второй муж – отец Шейна и младшей двойни – тоже покинул этот мир примерно через год. Четыре брата так и не сумели сделать выбор между снедавшим их недоверием и любовью друг к другу. Не желали они признавать, что среди них есть убийца, но в то же время не могли быть уверены, что кто-то из братьев не станет следующей жертвой. Поэтому они решили разойтись. Каид отправился на север, Исар – на северо-восток, Шейн остался в Астаре, а Илос пропал среди горячих песков на юге. Южная часть Континента являлась, наверное, самой тяжёлой для жизни. И старшие братья могли бы даже решить, что младший умер, не сумев там ничего найти, если бы спустя годы не поползли слухи об объединённых под его рукой людях в той безжизненной пустыне, а также о прекрасном городе-оазисе, который затерян где-то в песках. За прошедшие столетия погибло немало народа, пытавшегося отыскать загадочную землю. Но тайна до сих пор остаётся тайной. Что касается убийцы... Получается, кто-то из братьев обладал огнём и силой, способной забирать чужой дар или даже жизнь. И он унёс свой секрет в могилу. Но ситуация между родственниками не улучшилась, потому что Дар передаётся по наследству! – Исарийка хмуро оглядывает детей. – А это значит, что по сей день у кого-то из потомков Первых в крови течёт огонь Теялы. Поэтому после

смерти всех Первых придумали запрет на браки между людьми из разных стран, обладающими Даром. Чтобы найти убийцу, узнать, какая из стихий даёт подобную способность, и сдержанное умение отбирать чужое, не дав ему перейти к другим народам. Иначе кто-то из правителей заполучит слишком много власти. Одна линия потомков и без того сильнее остальных трёх, но пока они хранят это в секрете. Но рано или поздно кто-то не выдержит или совершит ошибку, и тогда тайна раскроется... Конец! – Мальта так сильно хлопает себя по коленям, что все, включая меня, резко подсакивают от неожиданности.

Среди детей прокатывается вздох разочарования. Умеет же старуха оборвать всё удовольствие. Я моргаю и оглядываю площадь, возвращаясь обратно к реальности. Дети нехотя расходятся. В этот момент исарийка поднимается со своего места, берёт корзинку, которая стояла возле её ног, и гордо и неторопливо уходит по главной улице, слегка опираясь на свою трость.

Я с долей разочарования спрыгиваю с бортика фонтана и, размяв затёкшую левую ногу, думаю уже направиться домой, как вдруг замечаю в толпе знакомое лицо. Дарен Отеро стоит, прислонясь плечом к стене, и с улыбкой смотрит на меня, сложив руки на груди.

«Не к добру эта его ухмылка», – с неудовольствием решаю я и быстрым шагом иду в его сторону.

– Увидел что-то забавное? – Я прохожу мимо парня, не сбавляя шага, так как знаю, что он сразу последует за мной.

Дарен, как и я, является одним из учеников Роя, и сейчас, скорее всего, ему тоже нужно идти на тренировку. На это намекают его удобные чёрные штаны из льна и лёгкая серая рубашка с закатанными рукавами, открывающими вид на крепкие руки. А ещё Дарен – мой лучший друг.

– Да всё смотрел на твою кислую мину, пока Мальта тебя подкалывала. Ждал, лопнешь ты в этот раз или нет. – Хотя я и двигаюсь в быстром темпе, но приятель с лёгкостью подстраивается под мой шаг. Вот же длинноногий. – Опять не сумела пройти мимо, не послушав байку про Илоса в какой уже... тысячный раз? Влюбилась, что ли?

Они с Мальтой, похоже, два сапога пара – нравится им выводить меня из себя.

– Заткнись! Старухе-то я ничего не сделаю, а вот тебе на тренировке могу и навалить, – я раздражённо смахиваю тёмную прядь волос со лба, закатываю рукава своей рубашки и, наконец, смотрю на друга.

Возможно, обещание прозвучало неубедительно, так как он выше меня на голову, да и в целом тяжелее за счёт развитых мышц, хотя в одежде кажется в меру худым. Наши спарринги обычно заканчиваются не в мою пользу, но несколько раз благодаря ловкости у меня всё-таки получилось его одолеть. Так что есть вероятность, что мои слова будут не пустой угрозой. Дарена же, похоже, забавляет моя реакция, поэтому он, посмеиваясь, поднимает руки вверх в знак примирения.

В целом он отличный друг, а в моём случае – практически единственный на всех Островах. Да и у него самого ситуация обстоит так же. Парень на год старше меня и не принадлежит ни к одному из народов. Он кахари, которых также называют полукровками, смешанными или метисами. Если на то пошло, то и меня саму некоторые считают кахари – дочерью каиданца Роя и теялийки Лайлы. Хотя моя внешность сбивает с толку.

Большая часть детей на Островах – чистокровные, просто рождённые от прошлых браков. Зачастую сюда переезжают женщины с детьми, брошенные после беременности. Им тут легче жить из-за отсутствия предрассудков. Хотя и кахари не так мало, как могло бы показаться вначале, хотя далеко не все, кто перебрался на Острова, решаются завести смешанных детей, поскольку знают, что ни одна страна не захочет их принять. Кахари всегда остаются ничейными, никому не нужными, запертыми на Островах не по своей воле. А отличить их очень просто даже по внешности: полукровки достаточно сильно выделяются.

Мама Дарена – илосийка, отец – исариец. Такая смесь подарила их сыну экзотическую внешность. Можно было бы сказать, что он красив, но приятелю больше подходит слово «притягательный». Слегка растрёпанные волосы получили уникальный холодный бежевый оттенок, который я до этого никогда не видела, а орехово-карие глаза при ярком свете приобретают янтарный оттенок. У Дарена хорошо очерченная линия подбородка, высокие, выступающие скулы, однако самое привлекательное в его чертах – это приподнятые уголки губ. Они создают эффект не сходящей с лица мягкой улыбки, а растянутые в ухмылке придают обладателю выражение наглого и уверенного в себе молодого повесы. Не обладая таким обаянием, рядом с ним я выгляжу как вечно чем-то недовольная особа.

Его отец – Алан Отеро – кузнец и владелец знаменитой на всю округу кузницы, в которую я относилась заказ этим утром. Постоянная работа там помогла Дарену сформировать прекрасное, крепкое тело. А прибавив к этому высокий рост и лёгкий загар, мы получим одного из самых желанных красавцев в Городе.

– Если это единственное, о чём ты хотел поговорить, то иди вон к Лоре или Саре, или как там их. Приставай к ним! Сара мне при каждом удобном случае норовит все уши прожужжать, что скоро станет твоей девушкой, потому что вы целовались, – я киваю на группу подружек, которые громко окликают Дарена по имени.

Сама я раздражаю их просто своим существованием. По слухам, которые они распускают за моей спиной, я каким-то образом добыла у целителей на Континенте приворотную настойку и подмешала её другу. Иначе объяснить то, что он предпочитает мою компанию, они, похоже, не в состоянии. Хотя я чуть чаем не подавилась, услышав эти сплетни в первый раз. До сих пор сомневаюсь, что настойка, способная влюбить одного человека в другого, вообще существует.

Дарен бросает странный взгляд в сторону девушек, а потом поворачивается обратно ко мне и, улыбаясь, пожимает плечами. Я знаю, что ему надоело всеобщее внимание. Наверное, именно из-за этого наша дружба и стала такой крепкой.

Впервые мы столкнулись у фонтана на главной площади, когда мне было тринадцать лет, а ему – четырнадцать. Он случайно врезался в меня, и я уронила мешок с купленными на рынке фруктами, которые несла домой Лайле. В ответ на извинения я едва одарила мальчишку взглядом, молча собрала выпавшие продукты и пошла дальше. Тогда я только начинала свыкаться со своей новой жизнью и ещё тяжело принимала потерю памяти, поэтому практически ничем не интересовалась. Дарен же, по его словам, опешил, впервые получив настолько скудную реакцию на свою внешность. С самого детства сверстники либо прилипали к нему с вопросами, либо, не переставая, таращились на необычные волосы, а взрослые трепали по щеке или грустно качали головой, предвещая ему тяжёлую жизнь.

В общем, заинтригованный Дарен увязался за мной и пытался завязать беседу, но я не смотрела в его сторону, продолжая идти своей дорогой. Я даже не уверена, что слышала его тогда. Первое время на Островах моя жизнь протекала как в тумане. Я была сбита с толку, напугана, чувствовала себя преданной собственной памятью и злилась, что не выходит вспомнить, кто я такая, несмотря на все усилия. Примерно через десять минут, бросив безуспешные попытки, Дарен отстал. Потом, спустя годы, он рассказывал, что с тех пор всё чаще стал замечать меня в Городе. Я почти всегда молча куда-то шла или относилась заказы, но изредка мы встречались у фонтана, когда я слушала рассказы Мальты. Именно истории исарийки смогли пробудить во мне интерес, выводя из состояния безразличия. На какое-то время голос старухи вытягивал меня из темноты, в которой я оказалась.

Потом он ещё пару раз пытался выпытать моё имя, откуда я или куда иду. Заваливал бесполезными или глупыми рассказами и иногда по-дурацки шутил, но неизменно натывался на кислое выражение лица. Тогда он, наверное, решил, что я просто немая, и всё-таки оставил меня в покое. Но через две недели я пришла по поручению Роя в кузницу семьи Отеро, чтобы

забрать у отца Дарена новый колчан со стрелами для охоты. И тогда мальчишка впервые услышал, как я говорю.

– Твоя речь казалась плавной и спокойной, а в голосе не было ничего особенного, – признался Дарен спустя много лет, когда мы вспоминали наше знакомство. Увидев, как помрачнело моё лицо от этого «приятного» комплимента, он быстро добавил: – Но после этого я не мог перестать улыбаться, как будто выиграл долгожданный приз.

Не хочется признавать, но я до сих пор краснею, думая об этом.

– Помнишь, как ты впервые пришла к нам в кузницу? – продолжая путь, внезапно выдаёт Дарен, словно читая мои мысли.

– Ещё бы! Ты тогда заорал на весь дом прямо перед родителями, что рад, что я не немая. Мне было так стыдно перед ними, что я чуть под землю не провалилась, – с наигранным недовольством морщусь я.

Друг слегка откидывает голову назад, открывая вид на шею, и начинает смеяться.

– Ты тогда покраснела, как раскалённая кочерга! Хотелось тебя в... в воду опустить, но стало страшно, что... что разнесёшь всё! – Его лицо постепенно краснеет от хохота.

Я сильно пихаю чрезмерно развеселившегося парня локтем в бок, хотя и сама улыбаюсь. Несмотря ни на что, это приятное воспоминание. С тех пор мы постепенно сдружились. Дарен стал третьим и последним человеком, который знает мою тайну о том, что я не принадлежу к роду Сесция, что не помню, кто я и откуда или хотя бы что со мной произошло. Единственное, о чём я умолчала – о своём дефекте. До сих пор не хочу об этом рассказывать, хотя уверена, что приятель просто начал бы надо мной подтрунивать, что наконец на этих Островах появился кто-то, чья внешность ещё больше бросается в глаза.

Выйдя за пределы Города, мы сворачиваем к моему дому, рядом с которым находится поле для тренировок.

– Кстати, о том дне. Есть один момент, который я по-прежнему не могу понять, – я задумчиво поворачиваюсь к другу. – Твоя мама тоже илосийка, и когда увидела меня, то так тепло заулыбалась и всегда была очень добра ко мне. Она же не знает, что я не кахари?

– Скорее всего, нет. Но твоя внешность о многом говорит.

– Тогда я даже не успела представиться, а она сразу спросила, почему я не в Илосе. И когда я ответила, что прихожусь дочерью Рою и Лайле, она так и продолжила улыбаться и сказала, что мне обязательно стоит побывать в Илосе.

Я вспоминаю тот момент, когда Шерин Отеро взяла меня за руки. Перед глазами возникает образ таких же, как у меня, чёрных волос, но до плеч, в которых, несмотря на возраст, практически отсутствует седина. Глаза чуть более темного оттенка, чем у сына. И такие же приподнятые уголки губ.

– Твоя мама много тебе рассказала про Илос?

– Не особо, – Дарен запускает пальцы в свою отросшую чёлку, которая падает на глаза. По краям и сзади он стрижёт волосы значительно короче, оставляя длинным лишь верх. – Ты же знаешь, что илосийцы молчат как рыбы, поэтому точно не ясно, что происходит в Илосе. Мне известно столько же, сколько и любому другому на этих Островах: то, что сейчас там правит семья Калануа, а точнее, принц Даян и его младшая сестра – принцесса Айла. Хотя, возможно, он теперь король, ведь их отца, прошлого короля Хисара, убили.

– Убили?! – Я так ошарашена, что на мгновение останавливаюсь. – Я думала, что он умер от естественных причин. Слышала, что он погиб через три года после трагической смерти жены, королевы Сарир. На неё ведь кто-то напал у Теневого залива, и убийц так и не нашли. – Я возобновляю путь, хотя мысль о печальной истории семьи Калануа оставляет неприятный привкус. – Матросы в порту пересказывают эти сплетни и утверждают, что это судьба возвращает долг потомкам Илоса за Теялу. Что же произошло с королём Хисара?

Я потираю озябшие руки.

– Мама уже тогда жила на Островах и, услышав весть о кончине Сарир, плакала два дня подряд и месяц не разговаривала. До этого я ни разу её такой не видел: она была разбита, как будто умер член семьи, – задумчиво отвечает Дарен. Кажется, ему неприятно вспоминать тот период. – Но после смерти короля Хисара она рассказала только то, что он отомстил за жену и был убит. Не понимаю, откуда мама это узнала. Ведь все остальные действительно слышали версию, что он умер сам от болезни.

Я пытаюсь представить эту семью. Мужа, который отомстил за возлюбленную и оставил своих детей править. В душе вновь появляется желание прямо сейчас отправиться домой и отыскать настоящих родителей, узнать их.

– А... мама упомянула ещё кое-что интересное. Она говорила, что в Илосе мне всегда будут рады. Может, слухи о том, что илосийцы принимают даже кахари, правда. Я бы не прочь туда поехать и взглянуть на таинственную пустыню лично. Увидеть, какими силами всё-таки обладают тамошние жители. Наверняка вышло бы неплохое приключение. – Его задумчивое выражение снова сменяется задорной ухмылкой.

Заражаясь его воодушевлением, я улыбаюсь в ответ, однако мы оба знаем: все, кто попадает в пустыню, там и умирают.

Глава 3

– Ещё!

Рой стоит прямо, заложив руку за спину, и смотрит на пятерых запыхавшихся учеников, включая нас с Дареном. Мы только что пробежали последний десятый круг по линии земель Сесциа. Наш дом хоть и достаточно скромный, но сады вместе с конюшней и тренировочным полем в сумме занимают большое пространство. Я наклоняюсь вперёд, упираясь руками в колени. Волосы, заплетённые в свободную косу, сразу свешиваются вниз через плечо. Если бы горло не пересохло так сильно, я бы наверняка не сдержалась и выдала какое-нибудь ругательство. Дарен выглядит куда лучше, хотя и на его щеках появился румянец, а на висках выступили капли пота. По красным лицам остальных трёх молодых парней тоже можно понять, что они не слишком горят желанием бежать ещё один круг.

Рой как родитель – спокойный, рассудительный и внимательный. Но на тренировках в нём просыпается какой-то тиран. Именно так я называю его про себя в период занятий.

– Не хотите? – с наигранным удивлением уточняет бывший капитан гвардии. – Что я вам говорил! Если встретите врагов, превышающих вас силой или количеством, что нужно делать?!

– Удирать, – вяло мямлят двое, я даже не смотрю, кто именно.

– Правильно. Удирать так, чтобы пятки сверкали! А у вас что? Да я вафли Лайлы уже пятый день подряд жую быстрее, чем вы бегаєте! – ухмыляясь, рявкает каиданец. – Ладно, не хотите одолеть ещё кружок, тогда отжимайтесь.

Все пятеро не могут подавить вырвавшийся стон разочарования. Помимо меня и Дарена с Роем занимаются ещё трое молодых парней, двое исарийцев и каиданец. Я среди них – единственная девушка. Не потому, что другим запрещено, нет. Рой готов тренировать всех желающих, но жаждущие заниматься подобным делом среди женского пола – редкость. В основном многие не понимают, какой смысл обучаться воинскому делу, если на Островах всё всегда спокойно.

Покончив с отжиманиями и добавленными Роем прыжками, нам наконец разрешают сделать перерыв. Тяжело дыша, я опускаюсь на траву и откидываюсь назад, опираясь на руки. Подставляю лицо солнцу, ожидая, пока пот немного высохнет под ласковыми лучами. Хоть сейчас уже и начало осени, погода остаётся тёплой. Я смотрю на Марка – единственного каиданца в нашей команде – и Дарена. Они смеются, о чём-то бодро переговариваются, но я не пытаюсь вслушиваться. Одежда уже начала липнуть к их телам, а на лицах, как и у меня, блестит пот. Я обладаю неплохой выносливостью, но бег или прыжки терпеть не могу, а эти двое улыбаются. Я не понимаю таких людей, как Дарен, которые этим наслаждаются и даже получают заряд бодрости. Мне после пробежки всегда хочется упасть и лежать, а лучше вообще поспать.

– Хорошо, нытики, перейдём к занятиям поинтереснее. Сегодня у нас тренировка с луком, на чучелах и по парам, – Рой подходит к стойке с оружием.

Некоторые из предметов попали сюда из личных запасов нашего наставника, но большую часть сделал либо Дарен, либо его отец Алан Отеро – один из самых талантливых кузнецов Исара, а теперь и Города. Иногда даже люди с Континента приезжают на Острова, чтобы заказать у него оружие. И, судя по последним изделиям, сын унаследовал талант.

– Начнём со стрельбы, – решает Рой.

Мы по одному берём луки, перебрасываем колчаны через плечи и выстраиваемся в одну линию. Задание мы будем выполнять, как всегда, по очереди, в три подхода. Цель – попасть по всем пяти соломенным чучелам, которые расположены на разной дистанции. Ближайшая мишень находится на расстоянии пятнадцати метров, а самая дальняя – около пятидесяти. Мы выстраиваемся по росту, и я, конечно же, оказываюсь последней, хотя мне же лучше. Смогу сразу оценить, насколько мои противники сегодня в форме. Проигравший побегит ещё два

круга. Так что стимул у всех хороший, и я внимательно слежу за соперниками. Ещё раз я точно бежать не собираюсь.

К третьей и последней попытке счёт ведут Дарен и каиданец Марк, затем иду я совместно с двумя парнями-исарийцами.

– Эй, кахари, сможешь побить? – Марк улыбается во все тридцать два зуба и, как всегда, поддразнивает Дарена, не обращаясь к нему по имени.

Глядя на этих двоих, можно решить, что они враги, ненавидящие друг друга. Но на самом деле они лучшие среди учеников Роя, поэтому бесконечно соревнуются между собой. Я закатываю глаза, слушая их краткий обмен любезностями.

Первые три стрелы Марка снова попадают точно в головы соломенных чучел, четвёртое – в сердце, а последней мишени древко вонзается в плечо. Очень неплохо! Превзойти такой результат было бы непросто, будь это кто-то другой, а не Дарен. Но каиданец неправильно рассчитал ветер при последнем выстреле, и это сильно подпортило его шансы.

– Кто знает, – мой друг в точности пародирует улыбку соперника, но я улавливаю в ореховых глазах опасный блеск, прекрасно зная и разделяя соревновательный дух.

Дарен резко разворачивается, натягивает тетиву и сразу же отпускает. Первая стрела попадает в голову чучела, наполовину пройдя её насквозь. Приятель снова и снова повторяет движения и быстро, словно даже не целясь, выпускает оставшиеся четыре стрелы. Вторая и третья входят в грудь соломенных мишеней, точно в место, отмеченное сердцем. Следующая стрела попадает в голову, и последняя вонзается прямо в горло.

– Показушник, – бросает каиданец, но всё равно продолжает улыбаться.

– Молодцы! Но, Марк, меньше трать время на прицел. Враг не будет стоять на месте, ожидая, когда ты решишь наспиговать его стрелами. Дарен, следи за стойкой. Иногда ты слишком сильно переносишь вес на пятки, – моментально отчитывает приёмный отец. Рой будет не Роем, если не найдёт какие-то ошибки. – Теперь остальные трое.

Следующие на очереди исарийцы Дастин и Теренс. Они одного возраста, старше меня на год и даже чем-то похожи между собой, как сводные братья. Оба блондины, но у Дастина выющиеся волосы цвета золотого песка, а у Теренса – едва заметно отливают медью под лучами солнца. У Дастина тёмно-карие глаза, более крупные черты лица и тяжёлый подбородок, заросший щетиной. Карие глаза Теренса более светлого оттенка, ростом он выше и не настолько широк в плечах. Говорят, что исарийцы – хорошие лучники, однако эти двое, как ни странно, не особо сильны в стрельбе, а я оказываюсь достаточно умелой, чтобы занять третье место. Первому и второму чучелу я попадаю точно в голову, третьему в грудь, четвёртому в руку, а на последнем – промахиваюсь.

– Принцесса, в глаз что-то попало? – После моей неудачи Марк складывает руки на груди и улыбается снисходительной улыбкой, называя меня уже привычной кличкой.

Теренс и Дастин скромно посмеиваются, а Дарен прыскает, но сразу пытается взять себя в руки. Сжимает губы и демонстративно смотрит в синеву неба.

– Ой, да захлопнись ты, Марк. Всё равно ты не первый!

Я закатываю глаза, делая вид, что промах меня не волнует. Хотя это неправда, лучше попасть хотя бы в ногу, чем вообще мимо. На этих занятиях я в основном держусь достойно за счёт чувства соперничества, как у того же Марка или Дарена, которое не позволяет никому уступать. Среди нас только Теренс и Дастин не спорят о том, кто лучше. Наша компания, конечно, дружная, но шутки и подколы никто не отменял.

Рой засчитывает нам баллы за точное попадание по жизненно важным органам. Несмотря на последнюю ошибку, я всё-таки неплохо справилась. В то время как Дастин и Теренс если и попадают в чучело, то чаще всего в руки или ноги. Меньше всех повезло Теренсу: Рой в очередной раз отправляет беднягу нарезать круги. Дастин расслабляется, понимая, что в этот раз его пронесло.

Мы возвращаем луки на место и идём выбирать своё любимое оружие для дальнейшей тренировки. Бывший капитан гвардии учит нас обращаться с любым, но каждый ученик всё равно отдаёт чему-то предпочтение. Сейчас мы разбираем деревянные мечи. После того как пришлось в очередной раз заменить испорченные чучела, Рой решил перейти на лёгкие муляжи, и с настоящими клинками мы теперь тренируемся лишь пару раз в неделю. У нас есть выструганные из дуба или бука копии как тяжёлых двуручных мечей, так и короткие одноручные сабли.

Краем глаза я отмечаю, что Дарен вновь берёт муляж своего любимого длинного, слегка изогнутого клинка. Стальной оригинал затачивают с одной стороны, а рукоять у такого оружия с небольшой круглой гардой у основания. Она достаточно длинная, чтобы её можно было ухватить двумя руками, но сам меч легче обычных прямых двуручных. Это позволяет подбрасывать его и перехватывать даже одной рукой.

Я же привычно выбираю два деревянных меча, очень похожих на слегка изогнутый клинок Дарена, но в разы короче, поэтому предпочитаю использовать их в паре. Рукоять недостаточно длинная, чтобы схватиться за неё двумя руками. Каждый муляж не длиннее сорока пяти сантиметров, и ношу их я закреплёнными параллельно друг другу в специальных ремнях на поясице. Такие изогнутые сабли, как мы с Дареном любим, часто используют в Теяле и Илосе. В Каидане и Исаре предпочитают заточенное с обеих сторон и острое на конце оружие. Каиданские воины также славятся умением обращаться с тяжёлыми двуручными мечами, а исарийцы чаще выбирают короткие клинки, луки или арбалеты.

Как я и сказала, Рой пытается научить нас пользоваться любым снаряжением, но если с саблей Дарена я ещё справляюсь, то с двуручным каиданским клинком дела складываются плохо. Он слишком тяжёлый: с ним я становлюсь неповоротливой и медлительной, что превращает меня в отличную мишень. Наставник поначалу думал, что чуть больше практики и мышц на руках помогут мне справиться с этим оружием. Но всё закончилось огромным синяком на ноге, на которую я этот меч уронила, и всеобщим смехом. Рой тогда покраснел и крикнул, чтобы я даже не думала трогать двуручник, если за мной будет гнаться враг, а просто бежала дальше. До сих пор стыдно. Но потом я взяла два укороченных клинка, и оказалось, что они будто созданы специально для меня.

Сначала использование двух коротких мечей одновременно давалось мне тяжело, но с моим ростом есть два преимущества: скорость и ловкость. Я стараюсь двигаться быстро и подходить к противнику ближе, чтобы сразу же нанести удары в самые уязвимые места и закончить любой поединок в максимально короткий срок. Сейчас таким стилем я владею лучше всего, хотя и с остальным оружием могла бы справиться. Кроме тяжёлого двуручного меча – к нему я больше не подхожу.

Каждый раз в душе разливается гордость, когда я вижу одобрительные кивки приёмного отца, потому что других он даже не начинал учить владению двумя клинками.

– Они просто не справятся, а ты у меня молодец, – однажды шепнул мне Рой, как настоящий отец, когда в шестнадцать лет я, используя две сабли, наконец выстояла против Дарена. Не победила, но и не проиграла. Не имело никакого значения, даже если сказанные слова были ложью, чтобы меня подбодрить. Тогда я так сильно улыбалась, что боялась, как бы не треснули губы.

Взвесив деревянные мечи в руке, я отхожу на свободное место и начинаю с переходов и вращений, и только через какое-то время приступаю к отработке ударов на чучеле. Стоит остаться один на один со своими мыслями, как, несмотря на приятный день, настроение тут же ухудшается от воспоминания о нелепом сне или кошмаре, разбудившем меня нынешним утром. Мне достаточно часто снится отражение, которое ведёт себя странно, и каждый раз я прихожу в себя с колотящимся от страха сердцем.

Отработка техники ударов стала настолько привычным делом, что я с удивлением замечаю, как тело продолжает работать, даже в то время, как мысли спокойно текут в другом направлении. Я стараюсь не слишком реагировать на кошмары, но больше всего раздражает их неясный смысл. Мне давно кажется, что в них есть какая-то зацепка, подсказка о том, кем я была до потери памяти. Как будто подсознание хочет мне что-то поведать, но ограничивается намёками.

Я наношу несколько ударов, разворачиваюсь, снова бью по голове чучела. Ещё поворот, и я с силой опускаю оба меча, один за другим. Первый удар соломенная фигура выдерживает, а после второго раздаётся неприятный треск, и ломается толстая деревянная ветка, которая служила каркасом для руки. Теперь она повисает вдоль туловища. Я ругаюсь и быстро бросаю взгляд на приёмного отца. Кажется, Рой ничего не заметил, и если повезёт, манекен мне придётся переделывать не сегодня, а когда-нибудь потом.

– Полегче с бедолагой, – усмехается Дарен, который упражняется поблизости.

– Ты ничего не видел! – я предупреждающе тычу в его сторону своим мечом, пока наставник стоит к нам спиной и поправляет движения Марка. *Возможно, мой голос был слишком резким.*

– Конечно, подруга! Как скажешь, – подмигивает Дарен, возвращаясь к своему занятию.

Я выдыхаю. *Да что со мной?* Я собиралась ответить шуткой на шутку, но чувствую, что слова прозвучали слишком серьёзно. Ну, хоть друг не обижается. Я подхожу к повреждённому чучелу и пытаюсь пусть и неуклюже, но воткнуть руку на место.

Меня беспокоит не сломанная деревяшка, а скорее собственное настроение. Иногда оно вдруг становится мрачным. Меня резко накрывает раздражение, и хочется отдубасить этот несчастный манекен, переломать остальные части, чтобы как-то выместить чувство безысходности от потерянной памяти.

Иногда я оглядываюсь вокруг и на мгновение, всего лишь на мгновение, но чувствую растерянность и не могу понять, что я здесь делаю. Зачем я здесь? Спустя несколько лет такое настроение появляется всё реже, но даже эти нечастые моменты я не хочу никому показывать. Мне кажется, что я стою перед какой-то гранью внутри себя. Как будто передо мной находится огромное пространство, скрытое чёрной полупрозрачной тканью, за которой таится мгла с редкими сверкающими бликами. Тьма дышит, как живая. Не страшная, но неизвестная. Я чувствую, что если перейду эту грань, то обратно вернуться уже не смогу.

Уверена ли я, что хочу увидеть спрятанное?

Не пожалею ли, шагнув вперёд?

Каждый раз меня одолевают сомнения, заставляя упустить момент. Мной овладевает страх, и тогда я вновь отступаю на несколько шагов назад от этой тёмной неизвестности.

Через полчаса Рой разбивает нас на пары для завершающих поединков. Мне сегодня достаётся Марк, Теренс поворачивается к Дастину, а Дарену выпадает тренироваться с Роем. К счастью, с каиданцем мне никогда не нужно сдерживаться, боясь ударить его слишком сильно. Он самый высокий среди нас и хорошо сложен, поэтому жалеть противника я не собираюсь, а вот за шутки можно отплатить хотя бы парой синяков.

Наш бой первый. Солнце клонится к закату, окрашивая землю в тёплый золотой цвет. Мы с Марком накидываем на свои пропитанные потом рубашки лёгкие кольчуги для защиты. Оружие хоть и деревянное, но и таким можно что-нибудь сломать, а целители находятся слишком далеко. Соперник обычно предпочитает двуручные тяжёлые мечи, но, зная, что я в основном полагаюсь на скорость, в этот раз выбирает более лёгкий клинок, какой любит Дарен.

Умно. Это позволит наносить удары быстрее.

Я снова вытаскиваю свои тренировочные сабли и принимаю стойку. Рой едва заметно кивает мне, и я чувствую прилив уверенности, но не двигаюсь с места, ожидая первого выпада от Марка. Он решает не ждать и сразу начинает атаку с рубящего удара сверху. Я легко откло-

няюсь и снова принимаю стойку. Каиданец ещё несколько раз проводит неторопливые приёмы, но я просто продолжаю уклоняться от них, ожидая, когда противник откроется для контратаки. Сделав ложный выпад, я стараюсь нанести удар в плечо, но Марк вовремя парирует, и я снова отступаю на шаг. В момент, когда соперник замахивается и опускает меч сверху вниз, я уворачиваюсь и бью ногой прямо в живот парню.

– О-о! – резко выдыхают зрители, зная, что теперь дело пойдёт интереснее.

Удар достаточно сильный, я постаралась, так что каиданец на секунду сгибается и отходит на пару шагов назад.

– Моя вина. Недоглядел, – скалясь в улыбке, хрипит он.

Моя очередь. Я резко подскакиваю, стараясь пойти в лоб, и наношу прямой удар, но Марк отбивает атаку, уводя клинки в сторону. Теперь мы двигаемся быстрее. Противник пытается повторить мой манёвр, но ниже, целясь по ногам, однако в последний момент я успеваю подпрыгнуть. Заношу руку для нового удара слева направо, как вдруг Марк бьёт меня локтем в лицо.

– Грязный приём, – слышу я голос Дастина.

Дарен, Теренс и Рой молчат.

Я отшатываюсь на несколько шагов и пальцами ощупываю нос. Крови нет, скорее всего, останется небольшой синяк. Хотя нападение и выбило меня из колеи, но я чувствую, что каиданец сдерживался, чтобы ничего мне не сломать: удар оказался неожиданным, но не сильным. А мог ведь и нос разбить, но максимум будет болеть сегодня и завтра.

Решив вернуть долг, я заношу оба меча одновременно для одной-единственной мощной атаки, но они врезаются в клинок соперника. Дерево скрипит. Отбросив меня на пару шагов, Марк переходит в наступление, чеканя один удар за другим. Я так же последовательно отбиваюсь, отступая назад либо скользя по кругу. Дыхание начинает сбиваться, а руки – наливаясь тяжестью. Нужно заканчивать, а то каиданец просто изматывает меня. Так мы продолжаем поединки ещё какое-то время, иногда задевая друг друга деревянными мечами, нанося незначительные и скользящие удары по рукам или ногам. Тогда я решаю сменить тактику, потому что длительный бой против более сильного соперника долго вести не удастся. В самый неожиданный момент, вместо того чтобы вновь отступить, я, пригнувшись, уворачиваюсь от клинка и делаю шаг вперёд, нанося два удара подряд по туловищу Марка. И, оказавшись у него за спиной, пинаю его по коленям сзади, из-за чего ноги противника подгибаются, и он падает. Я отхожу, давая ему подняться, но продолжаю внимательно за ним следить. Встав на ноги, парень уже безо всякого намёка на улыбку резким прыжком преодолевает расстояние между нами и сосредоточенно наносит удары в попытке достать меня. После того как Марк умудряется опрокинуть меня на траву и достаточно сильно врезать мечом по бедру, я отвечаю ему ещё одним пинком в корпус. Хотелось бы достать и до головы, но пригибается массивный соперник не часто.

– Хватит! – почувствовав накалившуюся атмосферу, Рой встаёт между нами.

Мы с Марком запыхались, у обоих лихорадочно блестят глаза, по лицу вновь струится пот. Мы явно настроились серьёзно отделать друг друга.

– Это же тренировка. Помиритесь! Дарен, ты со мной следующий! – подводит итог наставник, забирая оружие из рук каиданца.

– Хороша трава на вкус? – насмешливо бросаю я Марку.

Когда мы уходим из тренировочного круга, я, имитируя дружеское похлопывание, довольно сильно опускаю ладонь на спину соперника.

– Наверняка не хуже моего локтя, – хмыкает тот, закидывая руку мне на плечи и наваливаясь практически всем весом, отчего боль в бедре усиливается и, хромая, я тащу приятеля на себе. Мы опускаемся на землю, чтобы понаблюдать за следующими поединками.

– Ты молодец, Ойро, – улыбаясь, говорит Теренс, когда я стягиваю с себя кольчугу. Затем подходит ближе и помогает мне вытащить косу, что зацепилась за звенья.

– Спасибо, – отвечаю я, заставив парня слегка покраснеть.

Я уже давно не обращаю на это внимание, так как Теренс достаточно скромный и часто стесняется даже минимального женского внимания, а я не хочу смущать его ещё больше.

Среди всех остальных именно он самый добрый, никогда не подкалывает и не раздражает других своими шутками, а если и говорит, то что-то воодушевляющее или приятное.

– Если хочешь, я помогу тебе с луком, – вдруг предлагаю я. – Кажется, ты уже в третий раз зарабатываешь в наказание дополнительные круги. Пора отдать последнее место Дастину.

На лице Теренса появляется такая светлая улыбка, что я сама невольно начинаю улыбаться в ответ.

– Эй! Так нечестно! – возмущается его приятель, расталкивая меня и Марка, чтобы сесть между нами. – Учи тогда нас обоих!

– С тобой может позаниматься и Рой, – отмахиваюсь я.

Дастин бросает затравленный взгляд на наставника, а я прикрываю рот рукой, чтобы не засмеяться.

– Нет, уж лучше ты, – нахальный исариец неожиданно хватается за запястье и дёргает на себя.

Я успеваю только приоткрыть рот, когда мою другую руку берёт Теренс и тянет в свою сторону. Мы с таким удивлением оборачиваемся к нему, что парень тут же краснеет, как клубника, но с несвойственным ему упорством хватки не ослабляет.

– Ты с кем-то встречаешься, Ойро? – в очередной раз задаёт бестактный вопрос Дастин, деликатность вообще не в его стиле.

Когда-то он специально засыпал меня подобными подначками, чтобы позлить. Говорил, что я забавно хмурюсь и глупо себя веду, когда пытаюсь поймать его, чтобы отвесить подзатыльник или пинок. Ещё несколько лет назад ему и вправду удавалось вывести меня из себя, но теперь в ответ я просто закатываю глаза.

– Все знают, что она встречается с кахари, – встревает Марк.

– А ты что, свечку держал?! – возмущается Дастин.

– Я не встречаюсь с Дареном, – унылым тоном чеканю я, кажется, уже в сотый раз за последние полгода.

– Тогда как насчёт меня? – вновь пристаёт исариец, дёргая меня в свою сторону.

– Нет! – выпаливает Теренс и тянет меня на себя.

Марк хмыкает, закатывая глаза.

– Вот что происходит, если ты не самая страшенькая девочка и другой среди нас нет, – качает он головой.

– Ты только что назвал меня страшной? – возмущаюсь я.

– Чем ты слушаешь? Я как раз сказал, что ты не особо страшенькая, – улыбается каиданец, пока я пытаюсь его пнуть, хотя из-за Дастина, сидящего между нами, ничего не получается.

– У тебя каждый комплимент звучит как оскорбление? – задаю я риторический вопрос.

Парень, продолжая ухмыляться, поворачивает голову в сторону тренировочного поля:

– Кахари! Тут твою подружку уведут!

Дарен и Рой так резко оборачиваются к нам, что мы все замираем. Их лица недобро мрачают, когда они замечают, как друзья пытаются перетянуть меня, словно игрушку. Оба исарийца тут же отпускают мои руки, пока Марк злобно хохочет. Дарен предупреждающе тычет концом деревянного меча в направлении Дастина и Теренса, и только после этого спарринг продолжается.

Мой лучший друг хорош в бою, двигается быстро и чётко. Он единственный среди учеников Роя, кто может дать ему фору. Один раз Дарен даже победил наставника, несказанно удивив всех нас. Убрав прядь волос с потного лица, я люблюсь заходящим за далёкий холм

солнцем и низко летающими птицами. Несмотря на практически непрерывный стук деревянных мечей, этот вечер кажется мирным и уже по-привычному уютным. Почти как дома.

Стоит ли теребить прошлое?

Может, лучше остаться здесь навсегда?

Я вздрагиваю от этих мыслей. От того, что чувствую их корни, зарывшиеся глубоко в сердце.

– Мальчики, как насчёт сладких булочек, после того как закончите делать друг из друга отбивные? – громкий голос Лайлы раздаётся настолько неожиданно, что Дарен пропускает удар и, судя по выражению его лица, наверняка получил очень болезненный синяк на плече.

Все дружно поворачиваются к женщине, держащей поднос с холодным чаем и сладкими, ещё исходящими паром булочками. Теренс, Дастин и Марк стонут в унисон от облегчения. Мы быстро возвращаем оружие и кольчуги обратно на стойки и рассаживаемся за ближайшим деревянным столом.

Мы решили установить его здесь три года назад. С тех пор чаепитие после тренировок стало уже обязательным ритуалом. Рой что-то недовольно бубнит о том, что Теренс и Дастин ещё не отработали поединок, однако если Лайла махнула рукой, то на ворчание учителя можно не обращать внимание. Каиданец ещё ни разу не сумел переспорить жену и уже не особо пытается. Они женаты уже долгие годы, а их любовь всё такая же тёплая, как выпечка Лайлы. Теренсу и Дастину сегодня повезло закончить занятие без синяков. Это становится отличным завершением дня. Я смеюсь вместе со всеми, в очередной раз слушая забавные рассказы приёмной матери.

Наверное, так ощущается дом – как тепло закатного солнца. Звучит, как шум голосов и смеха с привкусом сладкой корицы.

Глава 4

К тому времени, как все заканчивают набивать животы, солнце уже почти садится. Пора возвращаться по домам, пока совсем не стемнело. Перед уходом Дарен просит меня заглянуть через несколько дней в кузницу к его отцу. Я недовольно складываю руки на груди, когда приятель лишь загадочно улыбается и подмигивает в ответ на мои расспросы, после чего направляется в сторону Города вместе с Дастином. Марк и Теренс живут неподалёку от дома Сесция, поэтому друзья расходятся в разные стороны.

С того вечера проходит два дня. Два длинных, до ужаса растянутых дня. Именно ожидание всегда давалось мне труднее всего. Особенно ожидание неизвестно чего. Словно кто-то не удосужился договорить важную фразу или рассказал о купленном подарке, который вручат лишь с наступлением праздника. И, похоже, мой друг это прекрасно знает. Он разжёт интерес, захвативший все мои мысли на протяжении последующих дней. Вплоть до того, что ближе к вечеру на конной прогулке, которая благодаря Рою больше похожа на очередной урок или соревнование, я не могу спокойно усидеть в седле. Мне хочется как можно скорее отправиться в Город. Стоит нам вернуться домой, как я мигом сползаю с гнедой кобылы и умоляюще смотрю на приёмного отца, который в курсе нашей договорённости с Дареном.

– Хм... кажется, нам бы не помешало почистить стойла, – Рой задумчиво почёсывает бороду.

От меня не укрывается, как дёргается уголок его губ, но он пытается сохранить серьёзное выражение лица. И я решаю подыграть.

– Я всё сделаю через несколько часов! Обещаю! – Изо всех сил пытаюсь придать себе жалостливый вид. – Только ненадолго сбегаю в Город, туда и обратно.

Приёмный отец смотрит на меня, притворяясь, что раздумывает над услышанным, как будто сейчас нет более серьёзной проблемы, чем чистка стойла.

– И подковы бы проверить, – продолжает бормотать он, но не выдерживает моего немигающего взгляда и с кислой улыбкой побеждённого всё-таки разрешает: – Ладно, иди.

Я тут же возвращаюсь в седло, пока Рой не припомнил другие дела, которые я тоже не мешкая согласилась бы выполнить, а потом двое суток вычищала бы весь дом. Такое уже случилось, поэтому я спешу в Город.

Верхом дорога занимает чуть больше пяти минут. Редкий лес мелькает по левую руку, зелёные холмы – справа. Проскочив ворота, я пускаю лошадь спокойным шагом.

Нужно управиться побыстрее, кажется, к ночи начнётся буря, но дождь может пойти и раньше, – решаю я, разглядывая сереющее небо. Ветра нет, а духота предупреждает о надвигающейся грозе. Солнце сядет примерно через час или чуть больше, но улицы уже постепенно пустеют. Продавцы тканями и специями сворачивают прилавки немного раньше обычного, опасаясь внезапного дождя. Пока не торопятся разве что торговцы фруктами и овощами, их не пугает намоченный товар. А со стороны порта, как всегда, раздаются выкрики и галдёж, там рыбаки стремятся как можно быстрее распродать сегодняшний улов.

Я добираюсь до площади, спрыгиваю на землю и привязываю кобылу к специальному стойлу, не забывая заплатить мальчику, который присмотрит за ней, пока я буду в кузнице. До неё совсем близко: свернуть налево в переулок и идти почти всегда прямо по узкому проходу между домами – так быстрее, чем по главной улице. Я бы могла доехать до кузницы верхом, да моей лошади не нравится звук молота при ударе о наковальню, она всегда нервничает, поэтому решаю дальше отправиться пешком.

Шагая по извилистому переулку, я вновь бросаю взгляд на серую полоску неба с лёгкими розово-красными проблесками закатных лучей. Похоже, тёплые дни скоро подойдут к концу и начнётся настоящая осень. Я не замечаю выпирающий камень и, споткнувшись, чуть не

падаю. В последний момент меня поддерживает возникшая словно из ниоткуда Мальта, которая крепко берёт меня под локоть и помогает сохранить равновесие. Я с удивлением отмечаю, что хватка старой женщины практически железная, что совсем не вяжется с её внешним видом.

– Что ты здесь делаешь? – Мальта отпускает мою руку и привычным движением опирается на трость, хотя прямая осанка намекает, что палка нужна лишь для вида.

Впервые очутившись нос к носу с исарийкой, я замечаю, что она выше меня на несколько сантиметров. Мы никогда не стояли так близко, и сейчас её взгляд, которым она окидывает меня сверху вниз, кажется неприятно тяжёлым.

– Я... иду в кузницу.

Пятясь, я предпринимаю попытку обойти старуху, но улочка слишком узкая, чтобы разминуться, а Мальта даже не делает попытки посторониться.

– Я спрашиваю, что ты делаешь *здесь*? – она делает ударение на последнем слове.

– Сокращаю путь, – я теряюсь ещё больше из-за непонятных вопросов.

Исарийка напряжённо сжимает губы в тонкую линию и бросает встревоженный взгляд через плечо, а потом наклоняется вбок, всматриваясь в переулочек за моей спиной. Я, удивленная её поведением, тоже начинаю озираться по сторонам, но не вижу ничего примечательного. В переулочке, кроме нас, никого нет, и окна зданий выходят на другую сторону, поэтому здесь достаточно сумрачно.

– Уходи сегодня же, девочка, а иначе они тебя заберут, – вдруг выдаёт старуха.

– Кто «они»?

– Смотрители.

Я приоткрываю рот, но не могу издать и звука. Мысли начинают путаться у меня в голове. *Смотрителями* называют элитную гвардию Каидана, которая следит за соблюдением запретов на браки между жителями разных народов, а если быть точнее, проверяет у мужа и жены наличие Дара. Некоторые каиданцы взяли на себя обязанности приводить в исполнение закон, так как являются наследниками Света и получают дополнительную способность чувствовать Дар других людей через прикосновение. Не обладающим талантом парам дают разрешение на брак, но отправляют их на Острова. Если же оказывается, что муж с женой владеют Даром, но вступили в союз, преступив закон, то их отвозят в Каидан. Их судьба решается в зависимости от способностей и наличия детей, которым они могли передаться. Что происходит с нарушителями дальше, на Островах знают немногие, но все уверены, что ничего хорошего.

Раньше всех их сразу казнили, в живых оставляли лишь детей, если у тех не обнаружился Дар. Но позже, под давлением других трёх стран, Каидан смягчил политику: теперь кого-то казнят, но большинство отправляют работать на рудники. Также я слышала от Роя, что тех, у кого находят по-настоящему сильный талант, правители Каидана используют в своих целях. При том разговоре приёмный отец серьёзно посмотрел на меня и сказал, что илосийцы должны быть осторожнее остальных. Их способностей до сих пор боятся, и им шанса не дают. Их путь всегда заканчивается плахой, даже для женщин и детей – ещё одна плата за Теялу. Поэтому почти все жители Илоса не хотят покидать границ родной страны.

Но всё стало ещё сложнее, когда узнали, что даже через поколения, у родителей, не владеющих способностями, иногда появляется ребёнок-полукровка, у которого может открыться Дар. Так начались облавы на кахари.

Нет специальных дней, установленных для обследования. Смотрители могут явиться на Острова когда угодно и начать проверять местных. Так отлавливают нарушителей, беглецов и детей, которые иногда и вовсе не знают о своих способностях.

Я видела Смотрителей один раз. Тогда стояла слишком холодная для Островов зима, и мне едва исполнилось пятнадцать лет. Пребывая в хорошем настроении, я шла вприпрыжку по улице Города почти так же, как и сейчас, чтобы встретиться с Дареном. Копна длинных волос

хлестала меня по спине, как вдруг кто-то с силой ухватил меня за капюшон тёплого плаща и оттащил назад.

– Я же сказал тебе остановиться, девочка! Ты меня совсем не слышишь!

Я испуганно сжалась, поглядывая на огромного воина в чёрно-серых доспехах с символикой солнца на груди. С его плеч до самой земли свисал тёплый золотистый плащ. У незнакомца были короткие светлые волосы и голубые глаза, как у Роя. Несмотря на хмурое выражение лица, на злого человека он не был похож. *Каиданец*. Только это слово пронеслось у меня в голове, как мужчина наклонился ближе, выдыхая облачко пара. Погода стояла на редкость холодная.

– Дай руку.

Смотритель опустился на одно колено, чтобы наши лица оказались на одном уровне, и бережно обхватил пальцами мою протянутую трясущуюся ладонь. Скользнув по нему взглядом, я отметила огромный меч на поясе. Пока воин сосредоточенно к чему-то прислушивался, я ничего не чувствовала, кроме тепла его рук и шероховатости кожи. Однако меня била мелкая дрожь, а сердце продолжало громко стучать от страха, так что я едва расслышала следующие слова:

– Всё в порядке. Ты чиста.

Каиданец так же быстро поднялся и даже на мгновение положил ладонь мне на голову в успокаивающем жесте, а затем ушёл. Не успев оправиться от шока, я обернулась. По моим представлениям Смотрители были какими-то монстрами в чёрных доспехах, отсекающими неудобным головы направо и налево и оставляющими за собой если не реки крови, то хотя бы кровавые брызги на стенах. Но в реальности они оказались обычными людьми. Высокими, сильными, специально отобранными, но людьми.

Внезапно мои мысли прервал пронзительный крик.

Мимо меня за ноги протащили одного кахари едва ли старше Дарена. Из его плеча и голени торчали обломанные древки стрел, из ран сочилась кровь, оставляя алые разводы на мёрзлой земле. Полукровка бился в приступе истерики, пытаясь освободиться, но руки надёжно стянули жгуты, которые создали умелые исарийцы из специального металла, позволяющего блокировать Дар.

Устав от воплей, один Смотритель не выдержал и врезал рукоятью меча по затылку кахари, заставив пленника потерять сознание. На лицах каиданцев не было в тот момент ни сострадания, ни жалости, ни злости. Они волокли его не как человека, а как мусор, который они пришли выкинуть. И тогда я поняла, что настоящий монстр определяется не столько по внешности, сколько по бесчувственности. Так я и смотрела раскрытыми от ужаса глазами вслед каиданским воинам, которые тащили «нечистого».

В тот день они забрали двоих.

Я трясую головой, отгоняя воспоминание. Мне уже не пятнадцать.

– Это не важно. Меня проверяли. У меня нет Дара.

– Столько лет ты слушаешь мои истории, но так ничего и не поняла! Знала бы я, что ты окажешься такой глупой, давно бы выбила дурь из твоей головы клюкой. Тебе здесь не место! – Мальта напрягается, повышая голос. – Времени у меня теперь нет. Слишком рано всё начинается...

Исарийка берёт меня за руки, и я вижу, как её лицо смягчается, а сама она едва заметно улыбается. Эта перемена пугает меня даже больше, чем крики или угрозы.

– Я бы хотела всё объяснить, но у стен есть уши. Уходи сегодня же, ступай домой. Один из моих друзей – рыбак, он будет ждать тебя в порту. Ты узнаешь его лодку по названию. Он отвезёт тебя на ближайший безлюдный островок, там вы переждёте бурю, а завтра с рассветом отправитесь на Континент в Илос. Иди вдоль Теневого залива...

– Мальта, зачем ты это говоришь? Я никуда не пойду. С тобой всё нормально? – запаниковав, я пытаюсь вырвать свои руки из её крепкой хватки.

– Ш-ш! – шипит старуха, глядявываясь куда-то в переулок за моим плечом. – Слушай, что тебе говорят! Значит, иди вдоль Теневого залива, когда же он начнёт сильнее поворачивать на север, встань к нему спиной и направляйся в пустыню. А дальше направляйся прямо за сверкающей красной звездой. Она всегда должна светить между двух высоких столбов вдалеке, – речь исарийки постепенно ускоряется, я не успеваю вставить и слово. – Иди по пустыне два дня, на третий ты найдёшь оазис. После него так же двигайся за звездой ещё день. Если всё сделаешь правильно, к ночи найдёшь её. Всё поняла?!

– Кого «её»? – только и успеваю выдавить я.

– *Паргаду* – город-оазис. Не забудь! За красной звездой, точно между двух столбов!

Мальта отпускает мои руки и бредёт дальше, игнорируя меня, словно мы незнакомые люди. Как будто она и не разговаривала со мной секунду назад и всё это мне привиделось. Я оборачиваюсь ей вслед. *Похоже, она древнее, чем кажется, и уже не в своём уме.* Отбросив липкое беспокойство, я вспоминаю о Дарене и спешу в кузницу, стараясь успокоиться по пути и отвлечься, думая о сюрпризе, о котором упоминал друг. Но мысли то и дело возвращаются к Мальте, и я ещё несколько раз невольно оборачиваюсь на уже пустую улочку.

* * *

– Они потрясающие! – я не могу сдержать восхищения.

– Работа не идеальная, но я вложил в них весь свой талант. Это подарок на твой девятнадцатый день рождения, – на губах Дарена расцветает улыбка, а глаза почти светятся, когда он протягивает мне два новеньких укороченных меча.

На лице парня появляется несвойственное ему смущение. Похоже, он нервничает, думая, что мне не нравится сюрприз. *Но как такое может не прийтись по душе?*

– День рождения, который будет только через два месяца? – я смеюсь, продолжая вертеть клинки в руках.

В действительности я не помню, когда родилась, но мне кажется, что в начале зимы, поэтому семья Сесциа решила праздновать его именно в этот период. Я рассматриваю подарок, сделанный руками Дарена. У него настоящий талант. Потрясающие лакированные ножны тёмно-серого цвета покрыты россыпью звёзд. Рукоять в тон ножнам обтянута пепельно-серой оплёткой с вкраплениями серебряных нитей. Я вытаскиваю один изогнутый меч, чтобы взглянуть поближе. Чистое лезвие отражает оранжевый свет от огня из ближайших печей так завораживающе, что я не могу оторвать глаз и в итоге бормочу благодарности, не поднимая головы.

Это слишком дорогой подарок, одни материалы наверняка стоили кучу денег. А сколько времени и труда он вложил! Я уже собираюсь сказать, что не могу принять такую ценность, но, увидев светящиеся в предвкушении глаза друга, проглатываю слова, чтобы не оскорбить его старания. Почувствовав, как начинают пылать щёки, я вновь опускаю взгляд на чистое лезвие меча, который держу в руке.

– Я подумывал добавить на них гравировку «Дарен – самый потрясающий друг и ослепительный красавец», но решил оставить пока как есть. Сделаю, когда сама попросишь, – приятель складывает руки на груди, демонстрируя гордую улыбку в ответ на мою реакцию.

Усмехаясь шутке, я с благодарностью смотрю на него и убираю клинок в ножны.

– Ты действительно потрясающий друг. Но если я что и попрошу тебя написать, так это: «Дарен – редкостная заноза в заднице».

– Отлично! На правом или на левом?

В ответ я крепко обнимаю друга за шею, игнорируя его колкости.

– Спасибо тебе ещё раз! Они великолепны! – Я хочу сказать больше, но не могу подобрать нужные слова. Их всех недостаточно.

– Не за что, подруга! – Дарен слегка нагибается и обвивает руками мою талию, задерживая в объятиях несколько дольше, чем обычно.

– Мне нужно вернуться, но, может, заглянешь к нам домой на закате? – Я отхожу, чтобы закрепить оружие на специальных ремнях. Оказывается, приятель утащил их с тренировочной экипировки, чтобы подогнать и закрепить ножны.

– Приглашаешь? – Он подходит ближе, помогая мне затянуть амуницию.

– Конечно! Отпразднуем мой ранний день рождения, раз уж ты и подарок приготовил.

– Тогда зайду. – Дарен отходит на пару шагов, чтобы посмотреть, висят ли мечи ровно и не болтаются ли. Затем довольно кивает: – Выглядит отлично, как я и думал.

– Тогда увидимся вечером, – я ещё раз обнимаю его, а потом направляюсь к выходу, открывая дверь, но мешкаю и оборачиваюсь к другу: – Знаешь, я недавно встретила Мальту. Она болтала что-то странное про Смотрителей, что они придут и...

Я запинаюсь, задумавшись над сказанным. Теперь, когда я повторяю вслух её слова, они кажутся ещё бредовой. С чего вдруг Смотрителям являться вечером, к тому же в бурю? Да и откуда старой исарийке, которая Островов-то не покидает, знать подобное. Я трясую головой, вновь пытаюсь избавиться от глупого волнения. В конце концов, нас с Дареном проверяли, поэтому переживать не о чем.

– Не важно, я тебе вечером подробнее расскажу.

Ещё раз послав другу благодарную улыбку, я выскакиваю за дверь, не успев заметить, как ответная улыбка медленно сползает с лица парня.

Глава 5

– Ойро, может, хоть за стол не будешь их тащить? – спрашивает Лайла, вытирая мокрые руки о фартук и оборачиваясь через плечо.

– Ни за что! Они теперь всегда со мной. Никогда не знаешь, когда вдруг понадобится прирезать парочку негодяев.

Из гостиной доносится глубокий смех приёмного отца, которому нравится, когда я в подобном бойком настроении, мол, в такие моменты я напоминаю ему его самого: вся свежусь, получив новое оружие. Придя домой, я не могу перестать улыбаться во все тридцать два зуба, демонстрируя подарок Дарена то Рою, то Лайле. Тейлика с трудом смогла вытолкать меня в умывальню, чтобы я привела себя в порядок и переоделась к ужину. Правда, после этого всё стало только хуже. Вместо того чтобы убрать мечи и надеть простую одежду, я натягиваю тёмно-серые штаны, рубашку на тон светлее, короткие чёрные сапожки из мягкой кожи, а сверху цепляю кожаные наручи, защищающие предплечья.

– Я тебя умыться отправила, а ты вернулась, переодевшись как убийца-наёмник! – Лайла цоклет языком и качает головой, рассматривая наряд. – Дорогой, скажи Ойро, что кроме моих ножей никакого оружия за столом не требуется.

Я поправляю клинки на поясище и чувствую, как в желудке урчит от запаха запечённой в соусе курицы, которую приёмная мать сегодня приготовила на ужин. С шумом втягиваю аромат, наслаждаясь им. Рой уже раскрывает рот, чтобы ответить жене, как дверь с грохотом распахивается и так же резко закрывается за спиной запыхавшегося Дарена и его мамы. Оба устало наваливаются на деревянную створку. Атмосфера веселья тут же испаряется. Я с недоумением смотрю на их встревоженные лица.

– Что случилось? – Рой поднимается со своего места.

– Они здесь, – тяжело дыша, отвечает ему Шерин Отеро, опираясь на руку сына. Второй рукой она стягивает лёгкий шарф, который обмотан вокруг её шеи, покрывая голову. – Пора.

После её слов приёмные родители срываются с места и начинают стремительно собирать вещи, как будто только и ждали условного сигнала. Лайла исчезает на кухне, а Рой что-то ищет в сундуке. Мне остаётся лишь растерянно смотреть, как из-за их быстрых движений время от времени падают вещи, но это никого не заботит. Не понимая, в чём дело, я поворачиваюсь к Дарену:

– Что происходит?

Он отвечает непривычно серьёзным взглядом, но продолжает молчать. Тут из кухни возвращается Лайла, неся в руках мою холщовую сумку, которую я иногда беру с собой, уходя в лес на сутки за ягодами или грибами. А также временами тренируюсь с её помощью: бегаю вокруг дома, набив камнями, в качестве упражнения от Роя. Сейчас она выглядит очень тяжёлой – похоже, в неё много всего положили. Я осознаю, что среди присутствующих только я ничего не понимаю.

Я единственная озираюсь по сторонам с разинутым ртом, не зная, какой вопрос должна задать, чтобы получить ответ, а все остальные продолжают что-то делать, перебрасываясь короткими фразами. Будучи оторванной от происходящего, я чувствую, как голова становится ватной, звуки и голоса доносятся будто сквозь толщу воды, а все мысли растворяются, хотя на лице как приклеенная остаётся улыбка, которая напоминает о недавнем веселье. Но она делается натянутой и медленно сползает. *Так не должно быть.* Каждое движение выходит каким-то смазанным, словно я пробираюсь сквозь время, ставшее вдруг вязким. Звуки вновь обретают полноту, а картинка проясняется, только когда Лайла обхватывает мои ладони, заставляя сосредоточить всё внимание на ней.

– Послушай меня, дочка. Смотрители здесь. Тебе пора уходить. Пора возвращаться домой!

Я глупо моргаю, осознавая, что они что-то скрывали от меня всё это время. У меня множество вопросов, но всеобщее чувство тревоги заставляет меня слушать дальше, не перебивая.

– Сейчас разница между нами видна слишком отчётливо, никто не поверит, что ты наша дочь. Они могут забрать тебя на проверку и увидят твой глаз! Ты знаешь, что означают такие отметины, особенно у таких, как ты.

Я отрешённо киваю, зная, что Лайла не старается меня обидеть, просто говорит всё как есть. Странный изъян внешности у илосийки – такое вряд ли оставят без подробного обследования. В этот момент к нам подходит Рой и начинает говорить очень быстро, силясь объяснить так много, как сумеет за короткий срок.

– Я давно должен был рассказать, почему ушёл со службы, но забыл, что нашему времени вместе может настать конец. Оказался слишком беспечен. Правители Каидана давно хотели заполучить больше власти: подмять под себя остальных, вновь объединить Континент под своим началом. Вначале эти утопические идеи короля просто указывали на чрезмерные амбиции. Я был против подобной тактики ещё, когда они были озвучены только как навязчивые идеи, и не мог мириться с тем, что творилось во дворце. Уже живя здесь, по письмам от своих бывших друзей я узнал, что планы и вправду стали претворяться в жизнь около десяти лет назад. Каиданцы начали медленно захватывать контроль, а остальные даже не заметили. Большого я не успею тебе рассказать, но знай, что ты не должна попасться Смотрителям. Оказавшись на моей бывшей родине, ты не сможешь уйти. Возьми, – Рой вкладывает мне в руки увесистый кошель с деньгами. – Это поможет тебе на пути домой. Сейчас для тебя нет более безопасного места, чем Илос.

– Я положила тебе в сумку немного одежды, съестных припасов и пару кинжалов. А ещё твои капли. Никому не доверяй и не раскрывай свой секрет! – Лайла говорит торопливо, стараясь сконцентрироваться на деле, а не на эмоциях, которые отчётливо выражаются в нависших слезах.

Я же слушаю и слушаю приёмных родителей, хотя смысл их слов никак не доходит до моего сознания. Я, наоборот, двигаюсь медленно, словно в тумане, не до конца осознавая, что меня отделяют лишь минуты между настоящим и тем моментом, когда я покину этот дом.

Не так я всё планировала.

Шерин хватает меня за плечи и разворачивает к себе. В её глазах стоят страх и надежда, и я вся напрягаюсь, не понимая, чего ещё следует ждать.

– Ойро, возьми Дарена с собой.

Теперь я вижу, что она знает: я вовсе не дочь Сесция. Давно ли? Догадалась сама или ей рассказали Рой и Лайла? Почему-то я уверена, что это сделал не Дарен, он бы так никогда не поступил.

– Нет... Нет! – решительно отвечаю я. – Если мне нужно уйти, то я не потяну его с собой. Мне не нужна охрана. Я не буду ломать ему жизнь, заставляя отправиться в бег.

– Ойро, помоги нам. Отведи его в Илос. Иначе его заберут.

Я оторопело смотрю на маму Дарена, открывая и закрывая рот.

Помочь? Заберут?

Смысл сказанных слов слишком медленно доходит до меня. *Возможно, причина не только во мне?* Я смотрю на Лайлу и Роя, но те ничем не выказывают своего удивления.

Они знают.

Понимание искрой вспыхивает у меня в голове, и я перевожу взгляд на друга, замечая, что он подготовился. Тёмные штаны, рубашка, длинная мантия с рукавами и накинутым на голову капюшоном, лёгкий чёрный платок вокруг шеи, чтобы прикрыть лицо, если потребует. На боку у Дарена висит его любимый изогнутый меч, но не деревянная копия, а настоя-

щее оружие, за плечами болтается сумка с припасами. Я понимаю, что теперь у меня точно нет выбора. Я должна уйти. Если не ради себя, то чтобы увести друга, спасти его от неизвестной участи, которая ждёт его в Каидане. Я, скорее всего, чистокровная илосийка, и если приведу кахари в родную страну и там действительно принимают всех, то проблем у нас не возникнет. Но Дарен – сын исарийца и илосийки, и я боюсь услышать ответ на свой следующий вопрос.

– Чей у тебя Дар?

– Илоса, – чуть помедлив, отвечает парень.

Я чувствую, как по спине пробегает холодок. *Теперь у него точно нет шансов.*

– Почему ты раньше мне ничего не сказал?

– У каждого свои секреты, подруга, – говорит он обыденным тоном, но его губы поджаты, и впервые я не вижу даже намёка на улыбку на лице приятеля.

– Вам пора! – прерывает наш напряжённый обмен взглядами мама Дарена. – Нам сказали, что корабль Смотрителей задержался из-за бури, но сейчас они наверняка уже здесь.

Шерин торопливо, но крепко обнимает сына. Рой и Лайла также заключают меня в объятия.

– Мы ещё встретимся! – решительно заверяю я приёмных родителей, ни на мгновение не сомневаясь в своих словах. Я надеюсь, что они видят это по моим глазам. – Спасибо вам за всё!

– Пусть Теяла охраняет тебя в нелёгком пути! Если сможешь, отправь нам весточку, когда найдёшь свою семью. Нам будет спокойнее, зная, что ты в порядке, – Лайла крепко сжимает руку мужа на своём плече.

Дарен легко касается моего локтя. Он не хочет меня торопить, но я сама чувствую, что времени у нас остаётся мало. Теперь минуты могут стоять нам жизни, но если удастся попасть на Континент, то там будет легче скрыться.

– Скоро стемнеет, и мы не сможем добраться до порта, – тихо напоминает парень.

Я киваю и надеваю длинную, почти такую же, как у него, чёрную накидку с капюшоном. Она отлично скрывает от посторонних глаз оружие за моей спиной, но если дело дойдёт до боя, то вытаскивать клинки будет неудобно. Я также обматываю тёмный платок вокруг шеи и скрываю нижнюю половину лица. Накинув сумку на плечи и стараясь не смотреть на Роя и Лайлу, я выхожу из дома вслед за молодым человеком. Воздух ещё не успел остыть, но из-за неприятного предчувствия по коже ползут мурашки. Солнце совсем недавно скрылось за горизонтом, а это значит, что времени у нас остаётся очень мало. Пока полностью не стемнело, нужно найти лодку, про которую говорила Мальта.

Старуха всё предвидела! Но как?

Я чувствую раздражение на исарийку, как будто её слова навлекли на нас беду, и злюсь на себя за то, что не спросила конкретнее, как понять, на какую лодку следует сесть.

– Слишком опасно идти прямо по дороге. Лучше двинуться по холму, сверху начинается лес. Если обойти по кромке, то можно попытаться проникнуть в Город ближе к порту, – говорит Дарен, проверяя оружие и серьёзно посматривая на меня.

Я снова киваю в ответ и следую за другом, позволяя ему прокладывать путь. Только после того, как мы взбираемся на холм, я бросаю последний мимолётный взгляд через плечо на место, которое много лет служило мне домом. Но почти сразу же отворачиваюсь и смотрю в спину Дарена. Теперь у меня другая цель и другие заботы: я должна трезво мыслить и во что бы то ни стало спасти парня, помочь вывезти его с Островов. Я надеюсь, что слухи, которые он слышал от своей мамы, окажутся правдивыми, и илосийцы действительно принимают всех.

– Если у тебя есть Дар, то как получилось, что тебя до сих пор не забрали?

Поблизости нет никого, кто мог бы нас подслушать, поэтому я решаю узнать все недостающие детали.

– С момента моего рождения Смотрители приходили на Острова трижды. Когда мне было три, восемь и когда стукнуло шестнадцать лет. В три года Дар ещё не проявляется, а у кахари

вообще всё индивидуально. Поэтому и в восемь лет ничего не нашли. Дар впервые проявил себя, когда мне исполнилось десять. Вначале мы жили в постоянном страхе, что каждый наш день может стать последним. Отец предложил маме взять меня и уехать обратно в Илос, – Дарен слегка замедляет шаг, чтобы идти рядом со мной и рассказывать свою историю, не повышая голоса. – Но мама отказалась. Она не хотела покидать отца, даже зная, что это может стоить ей жизни, и не была уверена, что её примут в Илосе. Я – кахари. Мы отличаемся тем, что не принадлежим никому. И илосийцы готовы помочь тем, кому некуда идти. Но мама добровольно покинула родину и связала себя узами брака с исарийцем. На Континенте нет войны, но в последние годы страны не доверяют друг другу. Особенно это касается жителей Илоса после того, как кому-то удалось добраться до королевы Сарир и исчезнуть безнаказанным.

Я согласно киваю, вспоминая об участии семьи Калануа и понимая решение мамы Дарена.

– Мы просто надеялись, что Смотрители не вернутся до моего совершеннолетия, а потом я бы отправился в Илос самостоятельно. Но когда мне исполнилось шестнадцать, они приехали снова. Ты уже тогда была на Островах и видела их. Я сидел в кузнице вместе с отцом, как вдруг один из каиданцев появился у нас на пороге. В тот момент я решил, что мне пришёл конец.

Меня передёргивает от этих слов. Я с ужасом представляю, что в тот день на месте пленённого кахари, которого волокли по улице, мог оказаться Дарен.

– Но как в какой-то дурацкой сказке, мне повезло, – продолжает он. – К Смотрителю внезапно подошла Мальта, что-то ему сказала, и тот ушёл, даже не попытавшись меня проверить. Старуха ничего не объяснила. Я же был настолько напуган, что когда увидел каиданца, смог только спрятать в рукаве маленький нож. В тот момент я ещё не решил, что, будет лучше: отправиться навстречу неизвестности в Каидан или сразу избавиться от возможных пыток и перерезать себе горло. Это, по крайней мере, спасло бы моих родителей. По мертвецу уже нельзя доказать, был ли Дар или я просто слетел с катушек.

Я с беспокойством смотрю на друга. Больше всего меня пугает отсутствие эмоций в его голосе. Он просто говорит правду такой, какая она есть. И с каждым шагом, приближающим меня к Городу, я напрягаюсь всё больше. Теперь я начинаю осознавать опасность, которая может нас ждать, и что произойдёт, если мы свернём не на ту улицу и по глупой случайности наткнёмся на Смотрителя. А ещё меня пугает выбор, который Дарен может сделать, если что-то пойдёт не так.

– Почему я ничего этого не знала?

– А зачем? Кроме вероятной угрозы, это тебе бы ничего хорошего не принесло. И... – он запинается. – Я не представлял, как ты отреагируешь. Может, ты бы стала меня бояться, – приятель бросает на меня виноватый взгляд.

– Ещё чего! – возмущённо фыркаю я. – С чего мне тебя бояться? Я вроде как тебе пару раз наподдала на занятиях у Роя. Подожди-ка... а вдруг ты жульничал на тренировках всё это время?

– Никогда! – На лице Дарена появляется тень улыбки, и мне этого достаточно.

Невыносимо видеть его настолько серьёзным и готовым с лёгкостью принять смерть. Жизнь без друга кажется мне чем-то абсолютно невозможным, как если бы солнце решило встать не на востоке, а на западе.

– Если у тебя Дар Илоса, что ты умеешь делать? – интересуюсь я.

– Я... – парень мнётся, подбирая слова, – перемещаюсь в пространстве. Но недалеко, – сразу добавляет он, заметив, как у меня округляются глаза. – Это как прыжок. Даже не знаю, как объяснить. Но я могу преодолевать небольшие расстояния, хотя достаточно скоро устаю. Поэтому мы и добрались так быстро до вашего дома. Отец остался, чтобы задержать Смотрителей, если они придут, а мы с мамой побежали. Когда мы вышли за пределы Города, я перенёс нас до вашей двери.

Я задумываюсь на секунду, слушая объяснения друга. Теперь мне многое становится понятно. И то, как он не раз слишком поздно уходил из нашего дома после заката. Кромешная тьма никогда не являлась для него проблемой.

Мы почти подходим к кромке леса, до стен Города остаётся совсем немного. Людей практически не видно, но для загулявших жителей на улицах постепенно зажигают факелы. Минут через пятнадцать полностью стемнеет, и тогда огонь едва ли поможет разогнать ночную мглу на Островах.

Если бы светила хотя бы луна, было бы полегче, – кисло думаю я, разглядывая тяжёлое небо, которое ещё днём заволокли тучи. Однако мне не дают покоя ещё несколько вопросов:

– Но почему ты пришёл к нам домой? Откуда знал, что мне тоже придётся уйти? Да и с чего ты взял, что я в курсе, как добраться до Паргады – столицы Илоса? Ты забыл, что я вроде как сама своё прошлое не помню?

– Мальта, – просто отвечает друг.

Я тихо чертыхаюсь, услышав это имя. Вот не могла она по-человечески всё объяснить, а не загадками! Дарен сосредоточенно наблюдает, как вдали, за воротами Города, исчезает запоздалый путник.

– Скорее, пока никого нет.

Мы быстро спускаемся с холма и, стараясь не привлекать лишнего внимания, пробираемся через распахнутые ворота. Отсюда до порта недалеко. Нужно пройти лишь несколько перекрёстков.

По улицам Города бродят единицы, большинство направляются по домам, а кто-то торопится в таверны, чтобы обсудить последние новости за стаканом пива. Вероятно, многие ещё не в курсе, что где-то рядом уже могут находиться Смотрители. Стараясь держаться в тени, мы сворачиваем направо, выбираемся на безлюдную улочку и продолжаем двигаться тихо, чтобы проделать остаток пути по возможности незамеченными. Дойдя до конца, мы сворачиваем налево и ещё раз направо, улочка становится настолько узкой, что приходится идти друг за другом. Дарен вновь шагает первым, а я следую за ним. Проскальзывая мимо открытых окон, я улавливаю пряные ароматы специй и только что приготовленного ужина. В животе недовольно урчит. С тоской вспоминаю о курице в соусе, которую так и не успела попробовать. *Готовит ли моя настоящая мама так же вкусно, как Лайла? Смогу ли я её найти?*

Вдруг Дарен резко останавливается и приседает, за руку утягивая меня за собой. По удачному стечению обстоятельств в стене рядом есть большая ниша, в тени которой нам удаётся укрыться. Я вслед за напряжённым взглядом друга смотрю туда, где маленький переулок заканчивается и пересекается с широкой улицей, освещённой несколькими факелами. В небольшом просвете вижу группу людей, которые почему-то собрались там. Прислушиваюсь, улавливая их взволнованное бормотание, но слов разобрать не могу.

– Разворачиваемся. Вернёмся на развилку и обойдём толпу через другой переулок, – Дарен увлекает меня в противоположном направлении.

– Подожди, – я высвобождаюсь из его хватки. – В такое время и столько народа... Кажется, я что-то заметила. Жди здесь!

Я понимаю, что нужно как можно быстрее убраться подальше от скопления людей, но странное беспокойство толкает меня узнать, в чём дело. Нельзя просто так слоняться туда-сюда, иначе можно легко столкнуться с каиданцами нос к носу. Я начинаю медленно продвигаться вперёд, оставаясь в тени.

– Черт тебя дерь, Ойро, – шипит приятель, снова скрываясь в нише. – Не стоит испытывать удачу, пока она на нашей стороне! – так же шепотом добавляет он.

Игнорируя Дарена, я стараюсь ступать как можно тише. Я вижу нечто, что сознание отказывается воспринимать. Я должна понять, играет ли со мной моё воображение или и вправду... Люди, разбившись на группы, тихо переговариваются, а в самом освещённом месте находятся

два Смотрителя. Они носят всё такую же серебристо-чёрную форму с золотыми плащами, как и раньше, но рядом с ними, лицом ко мне, уже скованная жгутами, стоит...

...Мальта.

Она держится абсолютно прямо, скорее даже гордо, всем видом демонстрируя презрение к каким-то неотёсаным болванам, которые посмели нацепить на неё кандалы. Её волосы слегка растрёпаны, но на лице и одежде я не замечаю крови или грязи – похоже, она сдалась добровольно. *Но почему Мальта? Что она может, кроме как рассказывать легенды маленьким детям?* Я зажимаю рот рукой, чтобы не издать ни звука. В этот момент старая исарийка, словно почувствовав мой взгляд, смотрит прямо мне в глаза, хотя я уверена, что хорошо спряталась в тени. Дыхание перехватывает, когда на лице Мальты отражается ещё большее раздражение, губы сжимаются, и она слегка дёргает подбородком в сторону, как будто намекая, чтобы я убиралась прочь. Я непроизвольно делаю шаг вперёд, как вдруг подкравшийся сзади Дарен сгребает меня в охапку, закрывая рот широкой ладонью, и тащит обратно в глубь переулка.

– Что ты творишь?! – Он взбешён, и я понимаю, что поступила глупо. Но мне нужно было убедиться, что там стоит Мальта.

Возможно, у меня не лучшие отношения со старухой, но она является одной из немногих людей в Городе, которые стали частью моей новой семьи. Как дальняя тётушка, чьё ворчание раздражает, но это не отменяет родственной связи. Я слушала её рассказы с тех пор, как попала на Острова.

– Мы должны что-то сделать! – Я хватаю друга за руку, понимая глупость своего предложения.

– Мы не можем, Ойро. Она предупредила меня, что так всё и случится. Я уговаривал её пойти с нами, но эта упёртая старуха отказалась, – его взгляд смягчается, он разделяет мои чувства. – Она также сказала, что если мы попробуем вмешаться, то «сама нас сдаст Смотрителям с потрохами». Это я процитировал.

Дарен натянуто и понимающе улыбается, а я бросаю ещё один взгляд на освещённую часть улицы и неуверенно киваю. Знаю, что если мы вступим в бой, то вряд ли выйдем победителями. Наверняка поблизости есть ещё Смотрители. Нехотя мы пускаемся в обратный путь, чтобы свернуть в другой переулок и подойти к порту, обогнув этот район.

До пристани мы добираемся без приключений и прячемся за деревянными ящиками, чтобы сперва оценить ситуацию и понять, о какой лодке говорила Мальта.

– Черт! Здесь целых семь рыбацких лодок. Ойро, которая наша?

Разглядываю покачивающиеся на волнах небольшие судна, пытаюсь угадать, пока взгляд не останавливается на третьей слева.

– Ну конечно, – хмыкнув, едва слышно шепчу я, скорее самой себе. – Вот та, на которой написано «Мальта».

Друг на секунду теряется.

– Старуха кому-то настолько нравится, что капитан назвал свою лодку в её честь? Неожиданно... – У Дарена вырывается слабый смешок.

Оглядев причал, мы не обнаруживаем присутствия горожан или каиданцев и крадучись идём к нужному судну, стараясь избегать освещённых участков.

– Вы опоздали, – из-за спины раздаётся недовольный мужской голос, который застаёт меня врасплох. Дарен же успевает достать кинжал и повернуться к говорящему. – Убери обратно свой ножичек, мальчик, пока на его блеск все Смотрители не сбегались.

Из тени выходит исариец средних лет. Его светлые выющиеся волосы стянуты в небрежный пучок на затылке, а лицо покрывает курчавая борода. Похоже, он не брился уже месяц. На рыбаке свободно сидят тёмные штаны и бежевая льняная рубашка с тремя пуговицами, небрежно расстёгнутыми сверху. На ногах высокие плотные сапоги, скорее всего, чтобы не замочить ноги.

Дарен с сомнением прячет лезвие обратно в ножны.

– Кто ты? – спрашивает он.

Исариец нас, конечно, пока не выдал, но тяжело доверять незнакомцу, который подошёл со спины.

– Не важно, кто я. Всё, что вы должны знать, – я тот человек, которого вы искали. Мальта меня обо всём предупредила. Она даже сказала, что вас точно будет двое, – мужчина переводит взгляд своих тёмных глаз в мою сторону. – Лезьте быстрее в лодку. Нам ещё повезет, если мы не попадём прямо в шторм, который вот-вот начнётся.

Я только сейчас обращаю внимание на ветер, гоняющий прохладные потоки воздуха, но стоит ему замереть, как тут же становится душно. Вдалеке на горизонте уже заметны редкие всполохи молний, но гроза ещё достаточно далеко, и гром мы чувствуем пока лишь как слабую вибрацию.

Мы перебираемся на судно и помогаем новому знакомому оттолкнуться от причала. Лодка несколько раз качается на слабых волнах. Дарен берётся за вёсла и неторопливо гребёт, чтобы не создавать громких звуков, пока я наблюдаю за пристанью, а капитан раскрывает парус. Исариец говорит, что дальше справится сам, и приказывает нам пока укрыться под навесом за ящиками и рулонами брезентовой ткани. Ветер натягивает парус, и наша лодка медленно набирает ход, поэтому мы с другом позволяем себе ненадолго расслабиться.

Не отпускавшее меня напряжение оказывается невероятно выматывающим, и я откидываюсь на один из ящиков, закрывая глаза и чувствуя себя морально опустошённой. Похоже, я пока не в полной мере осознала происходящее и двигаюсь скорее по инерции, а в голове совсем пусто. Я должна испугаться или хотя бы ощутить печаль от расставания, но сейчас у меня нет времени на подобные эмоции. Сосредоточив внимание на ощущении волн, что раскачивают лодку, я пытаюсь вспомнить всё, что мне говорила Мальта о красной звезде, которая *должна привести нас в Паргаду*.

Глава 6

Нам удаётся опередить шторм и благополучно перебраться на едва заметный остров, где предстоит переждать ночь. На этом крошечном клочке земли никто не живёт. Его можно запросто обойти вдоль и поперёк за пять минут. Похоже, о нём почти никто не знает, а если и знают, то только рыбаки, подобные нашему сопровождающему, которые используют этот участок суши в качестве перевалочного пункта.

Наш неразговорчивый, как нам кажется поначалу, спутник всё же решает поделиться некоторой информацией и рассказывает, что его зовут Элиот Холлан и что перед нашей встречей он видел, как Смотрители забрали троих. А ведь проверки будут идти ещё завтра целый день. Среди задержанных в лицо он узнал только Мальту, потому как ни с кем из горожан особо не общается.

Укрывшись в пещере недалеко от берега, мы решаем не разводить костёр, чтобы не рисковать, и ограничиваемся небольшим факелом, который втыкаем в песок. В середине короткого рассказа Элиота мой живот так громко урчит от голода, что на мгновение все погружаются в неловкое молчание, а я, краснея, опускаю взгляд. Дарен принимается искать припасы в своей сумке, и тут новый знакомый проявляет себя с новой стороны. Он велит нам оставить свою еду, которая ещё наверняка пригодится в дальнем пути, отправляется к лодке, чтобы достать свой заготовленный ужин, и отдаёт нам. Простая печёная картошка вместе с аппетитным обжаренным мясом выглядит изысканным угощением. Исариец оказывается гораздо более приятным мужчиной, чем на первый взгляд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.